

Яркая звезда жанра
Филис Каст
погружает нас
в опасный и
завораживающий
мистический мир,
заставляя
переживать
невероятные,
захватывающие
события.

*Publishers
Weekly*

TM
HARLEQUIN®

Ф.К. КАСТ

*Вселенная
любви
и магии*

БОГИНЯ по ошибке

Богиня

Филис Кристина Каст

Богиня по ошибке

«Центрполиграф»

2006

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Каст Ф.

Богиня по ошибке / Ф. Каст — «Центрполиграф»,
2006 — (Богиня)

ISBN 978-5-227-08013-4

Преподавательница английского языка и литературы рыжеволосая красавица Шеннон Паркер приобрела на аукционе необычных вещей кельтскую вазу, на которой совершенно очевидно изображена именно она, Шеннон. Как ребенок, радуясь покупке, мисс Паркер возвращалась домой, когда на ее автомобиль обрушился ураган. Машина перевернулась, ваза превратилась в огненный шар, в котором молодая женщина увидела себя. Очнулась Шеннон в другом мире, где ей сообщили, что она наиглавнейшая жрица богини Эпоны и сегодня состоится ее бракосочетание с Верховным шаманом, а он, между прочим, кентавр...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08013-4

© Каст Ф., 2006

© Центрполиграф, 2006

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Часть вторая	23
Глава 1	23
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	45
Глава 5	53
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ф.К. Каст

Богиня по ошибке

Divine by Mistake Copyright © 2006 by P.C. Cast «Богиня по ошибке»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Часть первая

Глава 1

Наконец-то я в пути! Мой «форд-мустанг», мелодично урча, рассекал по автостраде, в это время она была почти пустой. Почему всегда кажется, будто машина идет лучше, когда она только что вымыта? Вставив в проигрыватель компакт-диск с мюзиклом «Отверженные», я нашла шестую дорожку и принялась во все горло подпевать несчастной Эпонине, безответно влюбленной в Мариуса. Слуха у меня нет, голоса тоже, но петь я обожаю. Когда началась следующая песня, я обогнала еле ползущий «шевроле» и закричала:

– Господи, как же здорово, что я – учительница! Первое июня; впереди у меня все лето – целое лето, нетронутое, непорочное...

– О, сколько дней подряд я буду выспаться!

Едва произнеся последнюю фразу, я почувствовала себя абсолютно счастливой. Я преподаю уже десять лет и успела заметить, что у многих учителей вырабатывается привычка разговаривать с самим собой. Наверное, дело в том, что, разговаривая, мы зарабатываем себе на жизнь и, если не удастся выговориться, нам становится как-то не по себе. А может, большинство из нас, особенно преподаватели старших классов, просто слегка сдвинутые.

В самом деле, добровольно учить подростков, по-моему, могут только те, у кого не все в порядке с головой... Я сразу живо представляю лицо моей лучшей подруги Сюзанны. Когда я рассказываю ей о последних выходках моих учеников на уроках литературы, ее всю передергивает, а лицо кривится в гримасе.

– Ше, какая гадость... Они... прямо лопаются от избытка гормонов! Фу!

Сюзанна преисполнена снобизма, как и многие ее коллеги, университетские преподаватели. Но я все равно очень ее люблю. Просто она не находит ничего смешного в шутках и подковырках учеников старших классов.

В мои размышления ворвался живой тенор Жана Вальжана, и я вернулась в первое июня, на шоссе 1-44.

– Да, вот так живет преподавательница английского языка и литературы с чувством юмора! Денег почти не платят, зато поводов посмеяться хоть отбавляй... Блин, вот же мой поворот!

К счастью, маленький «мустанг» отлично вписался в довольно крутой поворот направо, и я выехала на федеральную трассу 412. Судя по указателю, до Локуст-Гроув еще двадцать две мили. Придерживая руль коленом, я рылась в сумочке в поисках входного билета с адресом и подробной инструкцией, как проехать к месту аукциона. Где-то на полпути между Локуст-Гроув (кстати, кто придумал так назвать городок? «Локуст» – не только акация, но еще и саранча...) и Силоам-Спрингс доехав до указателя, надо свернуть на второстепенную дорогу, ехать по ней до следующего указателя, где снова повернуть, – и так далее, пока я не попаду на Аукцион необычных вещей. Как написано в приглашении, «Принимаются все заявки». По мнению устроителей, на аукционе «должен побывать каждый».

– Что ж, всякое необычное старье я действительно люблю. А если оно оказывается еще и дешевым, я его просто обожаю!

Ученики считают мой кабинет странной пространственно-временной петлей. На стенах и в шкафчиках можно отыскать что угодно – от репродукций Уотерхауса¹ до плакатов с «Могу-

¹ Уотерхаус Джон Уильям (1849–1917) – английский художник, мастер исторического жанра.

чим мышонком» и подвесными моделями звездолета «Энтерпрайз» из «Звездного пути». А еще я развешиваю повсюду ветряные колокольчики (они, по фэншуй, улучшают жизненную энергию).

И это только в классе. Интересно, что бы сказали мои ученики, побывав у меня в квартире? Что-то подсказывает мне, что они бы ничуть не удивились. Правда, дома я фанатично навожу чистоту и расставляю все по своим местам, в то время как школьный кабинет пребывает в состоянии перманентного творческого беспорядка. Ничего не могу найти – все как-то находится само... Черт, сама не поняла, что сказала.

– Пора прекращать чертыхаться! – Я нарочно произнесла последние слова вслух, чтобы усилить посыл. Руководствуюсь, так сказать, рефлекторной теорией Павлова, только применяю ее не к собачкам, а к себе самой. Если все время внушать себе что-то, в конце концов намерения воплотятся в жизнь.

«Я не убью тебя, Жавер...» Щелк! Я выключила проигрыватель и настроилась на джазовый канал Талсы. Оказывается, джаз можно поймать даже в такой глухомани – круто!

Впереди замаячил указатель населенного пункта: «Локуст-Гроув». Как положено, я снизила скорость, но городишко все равно пронесся мимо, не успела я и глазом моргнуть. Ну, может, разок и успела... Дальше я ехала не разгоняясь. Хватит спешить; пора насладиться ароматами Зеленой страны – так называют северо-восток Оклахомы. В начале лета в наших краях царит настоящее буйство цветов и красок. Высшее образование я получила в Иллинойском университете. Меня страшно злило, когда сокурники, узнав, откуда я, снисходительно бросали:

– А, Оклахома... Вечная засуха, пыльные бури!

Выходцы из других штатов представляли мою родину какой-то черно-белой декорацией, фоном, на котором страдали герои «Гроздьев гнева». Когда я уверяла, что на самом деле Оклахоме принято называть Зеленой страной, надо мной смеялись и только что не крутили пальцем у виска – наверное, считали, что в нашем штате можно лишь любоваться перекасти-полем да крутить коровам хвосты.

Мимо промелькнул крохотный городишко под названием Рапа (еще одно неудачное название). Дорога пошла в гору. Передо мной раскинулась Оклахома, неожиданная в своей дикой, неприрученной красоте. Люблю представлять себе старину, когда здешние дороги были обыкновенными тропинками, а достижения цивилизации еще даже не маячили на горизонте. Тогда жизнь наверняка была захватывающим приключением – не сравнить с вызовом к директору, которому пожаловалась чья-то мамаша: мол, ее деточка пребывает в шоке оттого, что я на уроке назвала шлюхой Гиневру, супругу короля Артура! В старину все было куда увлекательнее: не было ванн, зубы никто не чистил, пищу приходилось добывать на охоте, а воду таскать на себе... Бр-р-р! С другой стороны... приятно помечтать о временах, когда жили ковбои, рыцари и драконы. Признаюсь, я обожаю поэтов-романтиков и литературу, если можно так выразиться, «раньшего» времени (у нас, учителей, свой жаргон). Здравый смысл, правда, подсказывает, что не очень весело бывает без пенициллина и зубной пасты. Как сказали бы мои детки, «и чё?!».

– Вот оно! Первый поворот рядом с бело-синим указателем, отчего-то напомнившим лысеющего чудика в старомодных темно-синих штанах, который заявляется к тебе в гости на «свидание вслепую»...

А вот и стрелка, указывающая на боковую дорогу слева, и надпись «АУКЦИОН НЕОБЫЧНЫХ ВЕЩЕЙ».

Второстепенная дорога, на которую я свернула, оказалась почти неторной (люблю красивые эпитеты!). Жалкая двухрядка, вся в колдобинах и ухабах; высокие обочины засыпаны гравием. Впрочем, дорога вполне поэтично извивалась и уходила вдаль, и в голове у меня невольно зазвучал мотивчик из фильма «К бабушке в гости» – помните, с девочками-близняш-

ками Олсен? На протяжении нескольких миль я мучительно и безуспешно вспоминала слова той песенки.

У очередной стрелки с надписью «АУКЦИОН НЕОБЫЧНЫХ ВЕЩЕЙ» я снова свернула и очутилась уже не на второстепенной, а на третьей- или шестистепенной дороге. Что ж, наверное, аукцион специально проводят в такой глуши, чтобы отпугнуть перекупщиков... Их я считаю настоящим бичом для всех небогатых любителей аукционов. Джаз умолк, чему я обрадовалась, потому что и у меня в голове перестала звучать музыкальная тема из фильма «К бабушке в гости». Его сменила песня из комедии «Деревенщина в Беверли-Хиллз». Мне стало немного не по себе, когда я поняла, что помню все слова.

Кстати, о деревенщине. Как-то мало здесь домов!

Хм... Возможно, под «вещами» имеется в виду имущество из какого-нибудь старого поместья – ранчо, чьи владельцы в прошлом молниеносно разбогатели, а потом поумирали... Наверное, их владения собираются нарезать на маленькие аккуратные участки, которые продадут представителям верхушки среднего класса; отсюда без труда можно доехать до... Впрочем, не важно. Благодаря таким вот поселкам мне можно не беспокоиться, что я останусь без работы. По статистике, в семьях, которые относят себя к верхушке среднего класса, в среднем по два с половиной ребенка – плюс еще по полтора ребенка от предыдущих браков. И всем их детишкам, чтобы получить аттестат о среднем образовании, необходимо сдавать английский и литературу. Боже, благослови Америку! Впереди, за поворотом и очередным подъемом, возникло то, что я представляла себе старым ранчо...

– Охренеть! Да это настоящий дом Ашеров!²

Летом определенно не обязательно бросать ругаться. Я снизила скорость.

Так и есть – я увидела еще один указатель: «АУКЦИОН НЕОБЫЧНЫХ ВЕЩЕЙ». Столб со стрелкой был врыт у поворота на грунтовую дорогу, ведущую к дому. Впереди, на когда-то ухоженной... не знаю даже, как назвать... лужайке или площадке, в общем, слово «двор» тут явно не годилось, стояли несколько машин, преимущественно грузовичков (это же Оклахома!).

Итак, не двор и не палисадник... Придумала, угодня! Да, это гораздо больше подходит. Кругом зелено, много травы. Подъездная аллея обсажена большими деревьями, как в «Унесенных ветром», разве что без плакучего мха.

Вдруг до меня дошло, что я, разинув рот, беззастенчиво глазею на «дом Ашеров». Какой-то старик в черных брюках и белой рубашке с воротником-стойкой помигал мне фонарем со светоотражателем, приглашая завернуть в ворота. На лице у него застыло несколько раздраженное выражение; он словно говорил: «Хватит пялиться, дамочка, заезжай давай!» Когда я поравнялась с ним и остановилась, он жестом показал, чтобы я опустила стекло.

– Добрый день, мисс. – Старик наклонился и сунул голову в окошко. В мой прохладный, кондиционированный салон хлынула струя такого зловония, что я сразу перестала радоваться обращению «мисс» и тому, что меня еще можно считать вполне молодой особой. Он был выше, чем мне показалось вначале; его худое лицо со впалыми щеками избородили глубокие морщины, как будто он всю жизнь, в любую погоду, занимался тяжелым физическим трудом на открытом воздухе. Цвет лица у него, правда, был желтоватый, болезненный.

Боже правый! Вылитый папаша из «Детей кукурузы»...

– День добрый. Жарко сегодня! – ответила я. Мало ли что там с человеком, а о хорошем воспитании забывать нельзя. Бр-р-р... ну и вонь!

– Да, мисс... Прошу вас, заезжайте на площадку. Аукцион начнется ровно в два.

– М-м-м... спасибо. – Криво улыбнувшись, я поспешно подняла стекло и покатила к тому месту, куда старик ткнул пальцем. Почему от него так воняет? Как от трупа. И лицо прямо мертвенно-бледное... может, ему плохо? Впрочем, плохое самочувствие никак не оправдывает

² Дом Ашеров – поместье из рассказа Э.А. По «Падение дома Ашеров» (1839–1840).

зловония – а еще рубашки с длинным рукавом в июне... Какая же я все-таки стерва, зачем сравниваю беднягу с папашей из «Детей кукурузы»? Значит, здешние уголья, луга, или, как их там называют, «площадка»... Как приятно каждый день узнавать что-то новое! Я поморщилась. Банальные фразы – бич образованных людей.

Прежде чем заглушить мотор, я долго и старательно подкрашивала губы. Один мой знакомый однажды признался: он всегда определяет, насколько та или иная женщина привлекательна, по тому, сколько времени ей требуется, чтобы выйти из машины. Я специально постаралась не вылезать ну о-очень долго. Кроме того, я не пожалела времени на то, чтобы окинуть взглядом дом... Какой там дом – особняк!

Первое впечатление оказалось верным. Поместье могло бы служить декорацией к произведениям По и Готорна. Особняк в викторианском стиле оказался громадным и словно бы расплзался во все стороны. Как правило, мне нравятся необычные дома, но этот... Чтобы лучше видеть, я сдвинула темные очки на кончик носа. Дом в самом деле выглядел странно. Я не сразу поняла, в чем тут дело, а потом меня осенило – дом выглядел так, словно его слепили из нескольких разностилевых частей. У квадратного в плане здания было два парадных входа. Один – прямоугольный, с широкими, величественными ступенями. Второй, неподалеку от первого – скругленный, больше напоминающий зарешеченную беседку, увитую полусохшими розами, как бы это получше выразиться... просто примыкал к основному зданию. Одно крыло оканчивалось несколько аляповатой башней, другое удовлетворилось крутой двускатной крышей. Весь особняк был выкрашен отвратительной серой краской; краска потрескалась и облупилась.

– Должно быть, здесь в самом деле продаются необычные вещи! – пробормотала я себе под нос, оторвавшись наконец от созерцания «дома Ашеро́в». По спине у меня пробежал холодок. Солнце спряталось за тучей, и меня вдруг затрясло, как будто я очутилась в страшном сне. Согласно древнему поверью, если тебя внезапно сильно затрясет, значит, кто-то прошел по тому месту, где когда-нибудь будет твоя могила... Который сейчас час? «День меркнет»... Не забывайте, я учительница английского и литературы; моя память напичкана цитатами. Почему же мне вспомнилась «Медея» – древнегреческая трагедия, перенасыщенная мстостью, предательством и смертью? Как ни ужасно подобное сравнение, оно показалось мне вполне уместным.

Глава 2

– Спокойно, Паркер, возьми себя в руки! – Просто смешно; чтобы избавиться от страха, пришлось напомнить себе, что сюда я явилась влекомая страстью к скупке всякого барахла.

Я вышла из машины и щелкнула брелоком; оклахомская жара, словно только этого и ждала, тут же обхватила меня своими влажными руками. За углом я углядела большой стол, вокруг которого толпились посетители аукционов всех мастей. Я догадалась, что у стола проходит регистрация, и зашагала туда, то и дело бросая жадные взгляды на кучки распродаваемого имущества. В основном вещи, выставленные на аукцион, находились за домом, но кое-что было видно и сбоку. У меня руки чесались порываться в заполненных доверху коробках... Но сначала предстояло зарегистрироваться.

– Уф! Жалко, не сообразила собрать свою гриву в конский хвост! – по-свойски обратилась я к матроне, стоявшей в очереди впереди меня.

– Угу. – Матрона обмахивалась пригласительным билетом на Аукцион необычных вещей; мельком оглядев мои влажные от пота кудрявые волосы, она неодобрительно покосилась на мою белую шелковую блузку без рукавов, очень стильную (и очень короткую!) юбку «Гэп» и мои длинные (и очень голые) ноги. – Уф! – Она издала звук, похожий на тот, что издает курица, снесшая яйцо; я поняла, что на том наша дружеская беседа и закончилась.

– Похоже, здесь и правда продается немало интересного. – Я отважно предприняла вторую попытку завязать разговор, на сей раз с плешивым коротышкой, стоящим в очереди за мной.

– Совершенно с вами согласен. – Коротышка беспокойно переступил с ноги на ногу, вытирая пот со лба. – Я услышал, что на аукцион выставят несколько образчиков стекла периода Великой депрессии, и сразу понял, что просто обязан сюда приехать. По-моему, американское стекло просто обворожительно, а вы как считаете? – К этому времени его косенькие глазки отыскали вырез в моей блузке; было очевидно, что обворожительным он находит не одно лишь стекло.

– М-м-м... да, стекло – это вещь. – Я сделала шаг вперед. Настала очередь матроны получить билет, но она так пристально следила за плешивым типом, который разглядывал меня, что регистратору пришлось еще раз окликнуть ее. Наконец она назвала ему свое имя.

– Признаюсь вам откровенно, – плешивый наклонился вперед, беспардонно вторгнувшись в мое личное пространство, – сейчас я редактирую чудесную, познавательную книгу о журнальных столиках эпохи Великой депрессии, где подробно рассказывается, как отличить подлинные произведения того времени от точных копий, факсимиле.

– М-м-м... очень мило. – Плешивый коротышка так и застыл в моем личном пространстве, и я потихоньку пятилась от него, тесня матрону, которая все никак не уходила. Она сосредоточенно прикалывала номер участника к груди – которая являла собой артефакт эпохи Великой депрессии.

– Если пожелаете участвовать в торгах, рад буду предложить вам свою помощь. Очень неприятно, когда такую милую молодую даму обводят вокруг пальца... – У плешивца сел голос, и он поспешно вытер вспотевшую верхнюю губу сложенным носовым платком. Под мышками у него тоже проступили желтые пятна. Зря он в такую жару застегивает рубашку на все пуговицы!

– Большое спасибо, если понадобится, я непременно воспользуюсь вашим предложением! – Слава богу, мой черед регистрироваться.

– Имя... – Я спиной чувствовала, как внимательно прислушивается плешивый.

– Шеннон Паркер.

– Мисс Паркер, ваш номер – семьдесят четыре. Пожалуйста, заполните анкету рядом с номером... впишите ваш адрес. Карточку с номером носите с собой постоянно. Во время торгов аукционист будет обращаться к вам по номеру. Когда приобретете все, что захотите, назовите кассиру ваш номер, и она выпишет вам счет.

Не дослушав – я и так все знала, не в первый раз на аукционе! – я схватила карточку с номером и бежала, пока плешивый коротышка намертво не приклеился ко мне. Никогда не понимала, почему низкорослые мужчины так млеют от меня. Я не какая-нибудь амазонка, но без каблуков мой рост – пять футов семь дюймов, а я люблю высокие каблуки и в туфлях на плоской подошве хожу редко. Если даже отвлечься от роста, меня трудно назвать миниатюрной женщиной. Не поймите меня неправильно, я не толстуха. И все же... Я занимаюсь в тренажерном зале до седьмого пота, и все равно мне не мешает сбросить пять – десять фунтов. В общем, мне никак не удастся стать гибкой, стройной худышкой, какие сегодня в моде. Про таких, как я, принято говорить: «Есть за что подержаться». У меня большая грудь, округлые бедра, крепкие ноги. Рядом с коротышками я чувствую себя нелепо; мне всегда кажется, что при случае я, наверное, легко сумею их побить. В общем, низкорослые мужчины меня не интересуют. Подайте мне кавалера ростом с Джона Уэйна, и я растаю, как кубик льда на теплом языке... К сожалению, мою личную жизнь нельзя назвать бурной.

Основная часть вещей, выставленных на аукцион, разместились за домом – судя по всему, раньше там был великолепный, ухоженный парк. Точно посередине обширной площадки красовался полуразвалившийся фонтан со статуей обнаженной нимфы. Вокруг фонтана расположились столики и коробки с имуществом. Они занимали примерно полкруга, а остальное место было отдано под сельскохозяйственную утварь. Здесь толпились мужчины разного возраста – судя по виду, жители оклахомской глубинки – и восхищенно разглядывали выставленные на продажу вещи. От такого изобилия у них явно сорвало крышу... Иногда они переговаривались; ветер доносил до меня обрывки фраз, и мое оклахомское сердце таяло от их выговора. Один жевал соломинку; между передними зубами у него зиял проем. Правда, я ничего не выдумываю!

Итак, вещи, выставленные на торги, распределили по лотам; оглядевшись, я поняла, что организаторы проделали огромную подготовительную работу. В одном углу стояли однотипные предметы мебели – спальные гарнитуры, кухонные уголки, резные стулья и так далее; в другой угол составили столы, уставленные лампами, бра, канделябрами, стеклом и хрусталем. Я заметила, что плешивый коротышка сразу устремился к столу, где стоял хрусталь. В коробках, помеченных номерами, были свалены разные безделушки. Коробки расставили на достаточном расстоянии, чтобы покупатели рылись в них, не нанося друг другу серьезных увечий. Произведения изобразительного искусства были выставлены на складных столах и мольбертах.

К картинам-то меня и потащило. Естественно, я жадно поглядывала и на мебель, но почти сразу поняла, что эти лоты мне не по карману.

Видимо, владелец всего этого богатства, которое вскоре перестанет ему принадлежать, обладал вполне определенным вкусом. Сюжеты всех картин, представленных на мольбертах, были взяты из мифологии. Техника самая разная – акварель, акрил, масло – а сюжеты... Я увидела все: от «Рождения Венеры» до «Прощания Вотана с Брунгильдой».

– Бог ты мой, вот умора! – Не удержавшись, я усмехнулась и ткнула в бок стоящую рядом тетку – типичную любительницу дешевых распродаж. На мольберте красовалась прекрасная полноцветная репродукция: огромный свирепый дракон изрыгает пламя на светловолосую воительницу, сидящую верхом на застывшем в прыжке белом коне. Воительница отражала пламя щитом и потрясала мечом. Фамилии художника я не нашла, зато увидела внизу напечатанное название картины: «Битва с лесным пожаром». – Я должна ее купить! – воскликнула я, хихикая.

– Чё-то странная она какая-то, – прогнусила тетка, и я перестала улыбаться.

– Вот именно. По-моему, она не просто странная, а ненормальная...

Тетка бросила на меня удивленный и неодобрительный взгляд и быстро зашагала к предметам домашнего обихода. Я вздохнула, раскрыла блокнотик и записала: «Лот номер двенадцать – репродукция с драконом». Внимательнее осмотрев раму, я усомнилась в том, что покупка мне по карману. Но может, остальные покупатели тоже решат, что картина «чѐ-то странная какая-то», и я останусь единственной желающей ее приобрести?

Среди предметов живописи нашлось немало интересных, но мои скудные финансы требовали ограничиться лишь одной картиной и, может быть, вазочкой, статуэткой или еще какой-нибудь «странный» безделушкой. За картинами следовали лоты, претендующие на художественную ценность. На столах стояли образцы покрасивее, а между ними разместились коробки с разнообразным хламом. Вглядевшись, я поняла, что у них все же есть нечто общее. Так, все статуэтки оказались миниатюрными копиями каких-то римских или греческих статуй, и все были... ну да, очень обнаженными.

Ох, позабавлюсь я...

На одном столе стояли три мужские статуэтки фута два высотой. Я решила, что не могу пройти мимо – они достойны моего внимания. Стараясь не слишком откровенно пялиться на них, я читала описания под номерами. Лот номер семнадцать – Зевс-громовержец в полной боевой готовности (обнажен и... вот уж правда, лучше не скажешь – действительно в полной боевой готовности).

– Извини, красавчик. Я не могу повезти тебя домой, боюсь, меня назовут извращенкой. – Я щелкнула пальцем по его хозяйству.

Лот номер восемнадцать – древнегреческий правитель, возможно Димитрий I Сирийский. Димитрий оказался большим, мускулистым обнаженным мужчиной. Ну о-очень большим.

– Ох, милый... Жаль, что ты не Галатея, а я – не твой безымянный скульптор! – Предварительно оглядевшись и убедившись, что никто на меня не смотрит, я похлопала Димитрия по щеке и хихикнула.

Лот номер девятнадцать, статуэтка этрусского воина, понравился мне гораздо меньше. Слишком шуплый на мой вкус. В статуэтке выделялись всего две детали: его оружие и... хм... его оружие.

– Пока, мальчики. Как подумаю, что придется с вами расстаться, прямо все падает... – Посмеявшись своей шутке, я перешла к следующему столу, уставленному большими вазами, – я насчитала штук шесть. Взгляд мой скользил по элегантным урнам...

И вдруг все замерло, время прекратило свой бег. Легкий ветерок утих. Все звуки смолкли. Я перестала чувствовать жару. Я перестала дышать. В глазах потемнело; я видела одну только вазу.

– Ой, извиняюсь. Не хотел вас зашибить. – Какой-то добрый человек подхватил меня под локоть, не дав упасть, и воздух снова хлынул мне в легкие, а мир вокруг ожил.

– Ничего-ничего... – Я глубоко вздохнула и попыталась улыбнуться.

– Видно, совсем растерялся, вот и налетел на вас!

– Не стоит беспокоиться. Ничего страшного.

Он с сомнением посмотрел на меня, но кивнул и пошел дальше.

Дрожащей рукой я пригладила волосы. Что это со мной? Что случилось? Я смотрела на вазы, и вдруг... Взгляд мой снова обратился к столу с керамикой, и остановился на последней вазе. Ноги понесли меня к ней еще до того, как мозг отдал приказ. Дрожащей рукой я потянулась к ярлычку. «Лот номер двадцать пять. Ваза кельтская (копия погребальной вазы с шотландского кладбища). Роспись в цвете воспроизводит сцену молитвы, возносимой Верховной жрице Эпоны, кельтской богини – покровительницы лошадей».

Я снова посмотрела на эту вазу и сразу ощутила сильную резь в глазах – их как будто ожгло огнем, – и передо мной все поплыло. Часто-часто моргая, чтобы не ослепнуть, я пристальнее вгляделась в поразивший меня предмет, стараясь не обращать внимания на то, как странно я себя чувствую.

Глиняная ваза высотой фута два напоминала с виду основание лампы с изогнутой ручкой. Верх ее оказался очень красиво скругленным.

Но не форма и не размер вазы заставили меня забыть обо всем на свете. Я не могла отвести взгляда от росписи, занимавшей целиком одну сторону сосуда. Благодаря темному фону все фигуры, подчеркнутые золотом и пастелью, казались необычайно живыми и теплыми. На скамье или лежанке с подушками сидела женщина, красиво изогнувшись в талии, спиной к зрителям. Я увидела вытянутую руку, которой она властно указывала на что-то просительницам, и каскад ее роскошных волос.

– Волосы совсем как у меня! – Лишь услышав собственный голос, я поняла, что говорю сама с собой. У женщины на вазе и правда волосы были точно такие же, как мои, только длиннее. Такие же золотисто-рыжие, так же вьются колечками – мне никогда не удастся их пригладить. Палец у меня дернулся словно сам по себе; застыв на месте, я, как замороженная, погладила вазу, и... – Ой! – Горячо! Я отдернула палец.

– Не знал, что вы интересуетесь керамикой!

Я обернулась и увидела своего недавнего знакомого – плешивого коротышку.

– Откровенно говоря, я неплохо разбираюсь в некоторых видах ранней американской керамики... – Он плотоядно облизнулся.

– Ну а меня ранняя американская керамика как раз мало волнует. – Появление плешивого коротышки в моем личном пространстве подействовало так, словно меня окатили холодной водой и я мигом избавилась от всех странных ощущений. – Мои пристрастия лежат севернее востока Америки. Мне гораздо больше нравятся Греция и Рим.

– Что ж, понятно. Очаровательной вещицей вы любуетесь! – Он потянул к вазе свои потные руки, рывком, как-то суетливо перевернул ее и уставился на доньшко. Я внимательно смотрела на него, ища признаки чего-нибудь необычного, но плешивый коротышка оставался тем же заурядным придурком, что и раньше.

– Скажите, а вы не замечаете в этой вазе ничего... м-м-м... необычного?

– Нет. Неплохая копия, но я не вижу ничего странного в Эпоне, изображенной на вазе. Что вы имеете в виду? – Он поставил вазу и промокнул верхнюю губу влажным платком.

– Мне показалось... сама не знаю... в общем, когда я до нее дотронулась, то едва не обожглась. – Я посмотрела на него в упор. Может, моя ненормальность уже бросается в глаза?

– Возможно... – коротышка еще нахальнее приблизился, практически засунул свой острый нос ко мне в вырез, – ваше тело так реагирует на жару? – Он прямо-таки истекал слюной. Фу, какая гадость!

– Знаете, а вы, наверное, правы, – промурлыкала я. Коротышка ахнул и снова облизнулся. Я прошептала: – По-моему, у меня температура... Никак не могу избавиться от грибковой инфекции, которую подцепила в прошлом году. На такой жаре она, наверное, ужасно заразная. – Я улыбнулась и картинно дернула плечами.

– Господи... О боже мой! – Плешивый коротышка поспешно убрался из моего личного пространства. Я улыбнулась и шагнула к нему.

Он испуганно попятился:

– Вернись-ка я, пожалуй, к стеклу периода Великой депрессии. Не хочется пропустить начало торгов... Удачи вам! – Коротышка повернулся и затрусил прочь.

Справиться с назойливыми ухажерами очень легко. Стоит лишь намекнуть на какую-нибудь заразную болезнь, как они бесследно исчезают... Отличный способ защититься от подобных типов!

– Что же не так с этой чертовой вазой? – Вокруг меня снова все потемнело. Голова кружилась... мне не хватало воздуха... горячая ваза... такие же волосы, как у меня. Что со мной? Может, климакс начинается раньше времени? Хотя до него мне еще лет двадцать... ну ладно, пятнадцать. В общем, я решила еще раз взглянуть на первопричину странных ощущений. На чертову вазу, урну или горшок – как она там называется?

Ваза вполне невинно стояла там, куда ее поставил плешивый коротышка; на глазури виднелись влажные пятна – в тех местах, где к ней прикоснулись его потные пальцы. Я глубоко вздохнула. Ваза и вправду выглядела интересно. Я прищурилась и нагнулась, чтобы лучше рассмотреть ее. Надо постараться не дотрагиваться до вазы. Волосы у жрицы Эпоны в самом деле были похожи на мои, только длиннее. Она вытянула правую руку ладонью вверх; плечо закрывала полупрозрачная материя кремового цвета. Казалось, она благосклонно принимает дары, которые принесли ей коленопреклоненные просители. Ее предплечье украшал очень дорогой с виду золотой браслет; такой же виднелся на запястье. Колец на пальцах не было, но на тыльной стороне кисти я увидела какой-то рисунок...

– О господи! – Чтобы не закричать, мне пришлось прижать руку ко рту. Сердце у меня ушло в пятки, и снова стало трудно дышать. На тыльной стороне ее кисти была никакая не татуировка, а шрам. Шрам от ожога третьей степени. Я точно знала это, потому что мою правую руку украшала, если так можно выразиться, точно такая же отметина!

Глава 3

– Дамы и господа, аукцион начинается! Просим вас подойти к лоту номер один, у фонтана. Сегодняшние торги открывают спальные и гостинные гарнитуры...

Я слышала, как вдалеке бубнит аукционист, называя начальную ставку для первого лота – спального псевдовикторианского гарнитура на шесть персон, но ваза всецело завладела моим вниманием. Я нетерпеливо топталась у предмета моих вожделений и ждала, когда до него дойдет очередь. Я заметила, что так же поступали многие любители аукционов. Дрожащей рукой я порылась в бездонных недрах моей черной сумки и извлекла из нее старый, скомканный бумажный носовой платок. Им я старательно стерла отпечатки пальцев плешивого корытшки. Может, все дело просто в игре света и тени? А может, его потные ручонки задели руку жрицы, отсюда и возникла иллюзия? Прищурившись, я оглядела изображенную на вазе женщину. Потом покосилась на свою руку.

Естественно, знакомый шрам оказался на месте – он у меня с четырех лет, я тогда из лучших побуждений решила помочь бабушке на кухне. Мне показалось, что вода для макарон вскипит быстрее, если я встряхну кастрюлю... Разумеется, мне обварило руку кипятком; после ожога остался шрам в виде звезды. Через тридцать один год рубец по-прежнему возбуждает любопытство как друзей, так и посторонних людей. Неужели у дамы с горшка точно такой же шрам?

Невероятно... Чтобы на копии старинной кельтской вазы...

Тем не менее пришлось поверить собственным глазам. И волосы у нее как у меня, и шрам такой же... Я некоторое время тупо пялилась на вазу, и у меня возникло ощущение надвигающегося нервного срыва.

– Надо выпить, – произнесла я вслух. Действительно, выпить не помешало бы! Посмотрев в сторону аукциониста, я услышала, что торги дошли лишь до лота номер семь, точной копии платяного шкафа эпохи Людовика XIV. Торги проходили быстро и бурно. Не успела я найти киоск с прохладительными напитками и чуть-чуть успокоиться, как платформа аукциониста очутилась уже у мольбертов с произведениями живописи. Думаю, вы уже догадались, что я решила не торговаться за лот номер двадцать пять; пусть прикольная репродукция с драконом уедет домой к кому-то другому. Все мои помыслы и сбережения сосредоточились на кельтской вазе.

Как ни странно, стоило мне отойти от стола с вазами, как я полностью овладела собой. Больше меня не охватывал жар, дыхание в груди не останавливалось. И разумеется, больше не возникало чувства, будто время вдруг прекратило свое течение. Палатка с едой располагалась рядом с сельскохозяйственной утварью. В ней продавались прохладительные напитки, кофе и заветренные хот-доги, на которые на такой жаре даже смотреть было страшно. Я попросила налить мне «что-нибудь диетическое» и, отпивая на ходу, побрела назад, к столу с керамикой.

На скудость воображения я никогда не жаловалась. Всю жизнь обожаю фэнтези и игры, в которых надо себя кем-то представлять. И читаю я запоем – в конце концов, я ведь училка литературы, черт меня побери! Знаю, некоторым мое пристрастие кажется странным, но я действительно читаю ради удовольствия. Правда, раньше я всегда способна была разграничить вымысел и реальность... и даже получала от этого удовлетворение. Так что же, черт возьми, сегодня на меня нашло?

Откуда взялись странные ощущения? И почему женщина на вазе – вылитая я? Я ущипнула себя и поморщилась – больно. Значит, я не грежу наяву, хотя со мной и такое случается... Внутри у меня все сжалось. Все это очень странно, чтобы не сказать больше. Надо купить проклятую репродукцию с драконом, сесть в машину, поскорее вернуться домой и в лечебных

целях выпить бутылку мерло... Пока эти мысли крутились у меня в голове, ноги несли меня назад, к вазе.

– Чертова кукла... она – вылитая я!

– Очень странно, правда, мисс? – У стола с вазами топтался скелетообразный старик, который встретил меня на входе. Он погладил вазу; палец его остановился на пышной шевелюре жрицы. Затем он не спеша погладил ее руку.

– Значит, вы тоже заметили?

Увидев, как я прищурилась, старик отдернул руку от вазы.

– Да, мисс. Я заметил ваши волосы, как только вы приехали. Такой цвет в наши дни встречается редко; многие молодые женщины, как сговорились, портят свои волосы, крася их в самые неестественные оттенки: красного, желтого, черного. И коротко стригутся. Ну а вы сохранили естественный цвет. – Хотя старик говорил вполне дружелюбно, его глазки так и впились в меня, и мне вдруг стало не по себе. Кроме того, несмотря на то, что он стоял довольно далеко и нас разделял стол, я почувствовала его зловонное дыхание.

– Представляете, как я удивилась? И не просто удивилась – меня как током ударило! – Я пристально наблюдала за стариком. Он то и дело косился на вазу, и на лице у него явно было написано вожделение. И он все время гладил вазу.

– Наверное, сама судьба подсказывает, что вы должны купить эту вазу. – Старик пристально посмотрел на меня. – Эта ваза не должна уехать с кем-то другим!

Он меня рассмешил.

– Надеюсь, судьба постарается сделать так, чтобы зарплаты учительницы хватило на покупку!

– Да, постарается. – С этими загадочными словами скелетообразный старик в последний раз ласково погладил вазу и смылся.

Ну и придурок – офигеть можно! Пожалуй, он больше похож на болтливую дворцовую Ларчу из «Семейки Адамс», чем на папашу из «Детей кукурузы».

Торги шли споро; вот добрались и до статуэток. Я увидела, что «мальчиками» заинтересовались несколько человек, и мысленно порадовалась за покупателей. Я затесалась в толпу, стоящую вокруг передвижного помоста, на котором стоял аукционист. Торги начались с пятидесяти долларов за Зевса, но пять конкурентов быстро взвинтили цену с пятидесяти до ста пятидесяти долларов.

Наконец Зевс достался какой-то серьезной женщине – она предложила за него сто семьдесят пять долларов. Неплохо! За сирийца торговались более жесточенно (должно быть, благодаря его мускулатуре). Первоначальная ставка в пятьдесят долларов быстро возросла до трехсот пятидесяти. Я забеспокоилась. Ну и цены здесь...

В результате сириец ушел за четыреста пятьдесят долларов. Дурной знак! Я рассчитывала потратить на сегодняшнем аукционе не больше двух сотен. С трудом могла бы наскрести еще пятьдесят, но все, что дороже, превышало мои скромные возможности.

Тощий воин ушел за четыреста долларов ровно.

После того как я вместе с толпой покупателей переместилась к столу с керамикой и выслушала пламенную речь аукциониста о том, какие замечательные, прямо-таки музейного качества, копии греко-римской и кельтской керамики представлены в следующих шести лотах, внутри у меня снова все сжалось. Зачем он их так нахваливает? Молчал бы лучше! Я протолкалась вперед, не обращая внимания на странное чувство, снова овладевшее мной, едва я очутилась рядом с вазой. Торги на лот номер двадцать начались с семидесяти пяти долларов. Я заметила, что керамикой всерьез интересовались лишь три покупателя – и все, на мой взгляд, напоминали перекупщиков. В руках они держали портативные компьютеры, на носу сидели очки, и у всех троих было сосредоточенное выражение, какое никогда не увидишь на лицах

людей, забредших на аукцион случайно. И уж во всяком случае, такого выражения не бывает у человека, которому не терпится купить и увезти домой понравившуюся ему вещь.

Все перекупщики зорко оглядывают предлагаемые на продажу вещи, как будто прикидывают, сколько прибыли они получают, если продадут вазу или картину в своем магазине. Я поняла, что обречена. Лот номер двадцать ушел за триста долларов к кудрявой блондинке (корни не мешало бы подкрасить). Лот номер двадцать один достался перекупщику, похожему на англичанина. Ну, вы меня понимаете: чопорный, одет с иголочки, безукоризненные манеры, но ему, пожалуй, не помешало бы принять ванну и сходить к зубному. Как я и ожидала, он с британским акцентом предложил пятьсот долларов за красивую римскую вазу второго – четвертого веков; по словам аукциониста, ваза была выполнена в стиле рейнской керамики, то есть, как снисходительно разъяснил он присутствующим на торгах невеждам, у нее наилучшее качество. Англичанин самодовольно улыбался, радуясь выгодному приобретению.

Лоты номер двадцать два, двадцать три и двадцать четыре отошли третьей перекупщице. Хотите – верьте, хотите – нет, но ею оказалась та самая матрона эпохи Великой депрессии, которую так задела мои длинные голые ноги... За три свои покупки матрона заплатила триста, четыреста двадцать пять и двести семьдесят пять долларов соответственно.

– А теперь последнее из наших великолепных произведений керамики. Лот номер двадцать пять – копия кельтской вазы. Оригинал стоял на могиле на старинном шотландском кладбище. Роспись в цвете, представляет просителей, обращающихся к жрице богини Эпоны, покровительницы лошадей! Интересно отметить, что Эпона – единственная кельтская богиня, заимствованная римлянами-завоевателями; она стала покровительницей кавалерии, легендарных римских легионов! – самодовольно вещал аукционист, как будто сам создал эту вазу и, возможно, являлся близким другом Эпоны. Мне он сразу не понравился. – Обратите внимание на великолепную игру цвета и тени. Итак, открываем торги... Семьдесят пять долларов! Кто больше?

– Семьдесят пять! – Я подняла руку и поймала на себе его взгляд. Важно посредством глазного контакта дать понять аукционисту, что у тебя серьезные намерения. Я, можно сказать, посылала ему сигналы, пытаюсь его загипнотизировать. – Семьдесят пять долларов... кто больше?

– Сто! – вскинула жирную руку матрона.

– Сто десять! – Я старалась не кричать.

– Сто... десять. – Я уловила в голосе его величества аукциониста снисходительные нотки. – Итак, поступило предложение в сто десять долларов... Кто поднимет до ста двадцати пяти?

– Сто двадцать пять!

– Сто пятьдесят! – Тут же подал голос англичанин. Ну и жук!

– Вот этот джентльмен предлагает сто пятьдесят долларов. – В голосе ведущего зазвучала неприкрытая лезть. Вот хорек! – Сто пятьдесят... кто больше?

– Двести! – сквозь зубы процедила я.

– Ага, госпожа предлагает двести долларов! – Я удостоилась благосклонного взгляда аукциониста. – Кто больше?

Тишина. Я затаила дыхание.

– Последнее предложение – двести долларов!

Выжидательная пауза. Мне захотелось его задушить.

Я внушала ему: скорее говори: «Раз... два... три... продано!»

– Кто больше?

– Двести пятьдесят! – снова вылезла матрона.

Не успела я в азарте предложить больше, чем позволял мой бюджет, как англичанин, вскинув холеную длиннопалую руку, поднял цену до двухсот семидесяти пяти.

Кровь шумела у меня в ушах; я с трудом слышала, как торговались матрона и британец. Цена взлетела до трехсот пятидесяти долларов. Мне это не по карману – совсем не по карману! Толпа покупателей переместилась к следующему столу, а я медленно пятилась, пока не очутилась у фонтана. Я рассеянно присела на край и стала наблюдать, как помощники аукциониста запаковывают купленную керамику. Англичанин и кудрявая блондинка слонялись по парку. Очевидно, они уже приобрели все, что хотели. Я решила, что они – владельцы магазинов, в которых продаются произведения искусства. Они смеялись и дружелюбно переговаривались, как равные. Значит, ваза поедет домой не ко мне, хотя изображенная на ней женщина поразительно похожа на меня... Она досталась англичанину, а я, наверное, сейчас сойду с ума... Я шумно вздохнула. Понятия не имею, что на меня нашло, но чувствовала я себя, выражаясь по-английски, «чертовски паршиво».

Ну а у нас в Оклахоме выражаются попросту: дерьмово у меня на душе!

Может, попросить у англичанина визитку, и... что? Попросить отложить для меня вазу? Может, удастся подкопить денег, если взять класс в летней школе, и...

Я увидела, как англичанин поднимает мою... то есть, конечно, свою вазу. Он осматривал ее с довольной улыбкой собственника, дожидаясь, пока помощник набьет упаковочный ящик папиросной бумагой, чтобы ваза не разбилась. Вдруг улыбка сменилась хмурым, озадаченным выражением. Что там еще стряслось? Я механически встала и подошла поближе.

– Боже мой! Это еще что за чертовщина? – Англичанин поднял вазу над головой и вгляделся внутрь.

– Что-то случилось, сэр? – Помощник был озадачен, как и я.

– Случилось... это уж точно! Ваза с трещиной! Для меня она абсолютно бесполезна! – Англичанин небрежно поставил вазу обратно на стол, на самый край – она качалась и едва не падала.

– Позвольте взглянуть! – Помощник схватил вазу и поднес ее к свету, подражая движениям англичанина. Вскоре лицо у него вытянулось. – Вы совершенно правы... Прошу вас, примите мои извинения за испорченный товар. В ваш счет немедленно внесут исправления! – Он еще не кончил говорить, а другой помощник уже несся к будке кассирши.

– Извините... – Я постаралась говорить как ни в чем не бывало. – Но что теперь будет с вазой?

Все трое обернулись ко мне.

– Естественно, ее выставят на торги заново. – Первый помощник передал вазу третьему; тот поспешил к помосту аукциониста. Я следовала за ним на ватных ногах. Внезапно мне показалось, что я – беспечная бабочка, которая летит на огонь, или, рассуждая по-оклахомски, комар, который летит к огромной электронной ловушке.

– Извините... Похоже, нам придется исправить досадную оплошность, – довольно раздраженно заметил аукционист. – Прежде чем мы приступим к тридцать первому лоту, придется заново выставить на торги лот номер двадцать пять. В днище вазы обнаружилась тончайшая трещина... Очень, очень прискорбно!

Я прошла вперед; аукционист поднял вазу и продемонстрировал ее публике, чтобы все заглянули в несовершенное нутро вазы. Я прищурилась, взглянула... и мне показалось, будто горлышко вазы подернулось рябью, словно поверхность черного озера. У меня закружилась голова. Пришлось несколько раз сморгнуть, чтобы снова обрести способность видеть четко.

Аукционист тоже заглянул в горлышко и покачал головой; на лице его появилась неодобрительная гримаса по поводу такого чудовищного брака. Вздохнув, он пожал плечами и провозгласил:

– Итак... первая цена – двадцать пять долларов!

Тишина.

Я не верила собственным ушам. Мне хотелось кричать, но я сдержалась. Оглядев молчаливую толпу, ведущий быстро решил снизить ставку:

– Пятнадцать долларов!

Тишина. Всего десять минут назад за вазу буквально бились не на жизнь, а на смерть; она ушла за триста пятьдесят долларов. И вдруг оказалось, что в вазе имеется изъян и теперь за нее невозможно выручить и пятнадцати! Сама судьба принялась нашептывать мне на ухо.

– Три доллара пятьдесят центов! – Я ничего не могла с собой поделать. Мне показалось, что я имею право на некоторое справедливое возмездие.

– Три доллара пятьдесят центов... Продано! Мадам, пожалуйста, назовите ваш номер моему помощнику. – Аукционист поморщился. – Можете немедленно забрать покупку.

Глава 4

– Мой номер – семьдесят четыре. Пожалуйста, выпишите счет.

Видимо, кассирша работала здесь временно... во всяком случае, двигалась она медленно, как сонная муха. Я старалась не топтать ногами от нетерпения. Хочу-вазу-хочу-вазу-хочу-вазу... Так недолго и спятить!

– Общая сумма с налогом... три семьдесят восемь... – Кассирша даже моргала медленно, словно теленок.

– Вот, держите. – Я протянула ей пятерку. – Сдачи не надо! – Она расплылась в такой улыбке, как будто я была Санта-Клаусом.

– Спасибо, мэм. Сейчас вам принесут покупку. – И, обернувшись, бросила через плечо: – Зак, принеси ту фигию для семьдесят четвертого!

Из-за угла вынырнул Зак; он нес упаковочную коробку. Крышка была открыта; он показал мне содержимое, чтобы я убедилась в том, что устроители ничего не перепутали. Но заглядывать внутрь было не обязательно, я и так поняла, что там именно моя ваза, потому что снова почувствовала себя не в своей тарелке.

– Спасибо, я сама донесу. – Не давая себе передумать, я схватила коробку, закрыла крышку и направилась к машине. – Пора сваливать отсюда на фиг!

Разговоры с самой собой помогали мне не психовать... Точнее, не слишком психовать.

Нажав кнопку на пульте, я открыла переднюю пассажирскую дверцу и осторожно поставила коробку на сиденье. Поразмыслив, решила, что надежнее будет закрепить ее ремнем безопасности. Очень не хотелось, чтобы коробка перевернулась, ваза выпала, а мне пришлось бы хватать ее, одновременно следя за дорогой. Ох...

Ожил мотор, и сразу заработал кондиционер. Стараясь не слишком глазеть на коробку, стоящую рядом, я включила заднюю передачу и вывела «мустанг» на дорогу.

– Ну что?

Папаша из «Детей кукурузы», он же дворецкий Ларч из «Семейки Адамс», снова стоял на посту и махал в мою сторону своей оранжевой волшебной палочкой. Я подкатила к нему и опустила стекло – до половины.

– Вижу, судьба не ошиблась. – Он переводил взгляд с коробки на меня и обратно. Боже, ну и зловонное же у него дыхание!

– Да, оказалось, что она с браком – трещина в доньшке. Так что я купила ее очень выгодно. – Включив передачу, я медленно покатила вперед. Он что, намеков не понимает?

– Да, мисс, вы и понятия не имеете, насколько выгодную сделку сегодня совершили! – Его глаза словно пронзали меня насквозь. Вдруг он задрал голову и посмотрел на небо. – Погода портится. Постарайтесь... – он помолчал, – ехать осторожно... Очень осторожно! – Интересно, что он, черт его возьми, имеет в виду? – Очень не хотелось бы, чтобы вы... – пауза, – попали в... аварию.

– Ничего со мной не случится. Я отличный водитель! – Я нажала кнопку, подняла стекло и отпустила сцепление. Взглянув в зеркало заднего вида, я увидела, что папаша из «Детей кукурузы» сделал несколько шагов вслед за мной.

– Вот псих! – Меня передернуло.

Моей машине гораздо больше пришлось по вкусу грунтовая дорога; после поворота я прибавила газу, радуясь, как девчонка, скрипу гравия под колесами. В зеркале заднего вида я по-прежнему видела «кукурузного папашу». Он стоял посреди дороги и как замороженный смотрел мне вслед. Я вспомнила, как старый псих каркал насчет погоды, и тоже посмотрела на небо.

– Отлично... Только этого мне и не хватало!

Небо заволакивали пухлые серые облака, отчего прежде голубое небо стало похожим на рваное одеяло. Я взяла курс на юго-запад, в сторону Талсы, и приготовилась пережить замечательную оклахомскую летнюю грозу.

– Итак, друзья и любители спорта, давайте-ка посмотрим, что говорят народные приметы и прогнозы метеобюро!

Я принялась крутить настройку, но прогноза погоды все не попадалось. Сначала я попала на канал музыки кантри, потом я прослушала кусочек «Сельского часа», где пугали разгулом июньских клещей (правда-правда, я ничего не выдумываю!). Потом я попала на евангельский канал и прослушала часть проповеди, посвященной супружеской неверности. Слушала я недолго, поэтому так и не поняла, выступал ли проповедник против адюльтера или за него. Но никаких прогнозов погоды поймать не удалось. Не получилось настроиться и на джазовый канал и даже на какой-нибудь софт-рок, что бы это странное название ни значило.

– А может, нам с тобой прикинуться шлангами и мчать прямо домой? – обратилась я к чертовой коробке. Охренеть можно! Я застряла в какой-то чертовой глуши! Я посмотрела вперед, налево и поняла, что все гораздо хуже, чем мне казалось. Итак, я застряла в какой-то чертовой глуши, меня несет прямо на грозовой фронт, и я беседую с коробкой, в которой спрятана ваза, урна или горшок. К тому же при одном взгляде на коробку с моим сокровищем я испытываю такое чувство, будто приняла несколько таблеток для похудения и запила их огромной чашкой мокколатте со сливками. – Вот именно! Как только доберемся до ближайшего городишки, я остановлюсь на деревенской заправке, куплю себе огромную шоколадку, съем ее и выясню, что там, на фиг, творится с погодой. – Я с подозрением покосилась на коробку. – Заодно и воздухом подышу!

На секунду я почти пожалела о своей ненависти к сотовым телефонам. У меня нет мобильного. У всех моих друзей такие штуки есть, и даже не по одному. Они как будто соревнуются, у кого больше мобильных и у кого они самые миниатюрные. Это как мериться членами, только там чем больше – тем лучше. У моей ближайшей подруги (той самой, что преподает, блин, в колледже) есть даже специальное устройство в машине; она может болтать не снимая рук с руля. А еще у нее есть современная моделька, которая уютно лежит в сумочке. Я покорно сношу насмешки сверстников. Ничего! Когда они будут загибаться от рака мозга, я скажу: «Я ведь вас предупреждала!» Я постоянно объясняю им: нет, я не неандерталка какая-нибудь и стараюсь идти в ногу со временем. Мне просто не нужен телефон ни в машине, ни в сумке, ни на столе, ни в спортивном саквояже... И так далее и тому подобное. Да-да, я приду навестить их в больнице. В голове у них вырастет опухоль размером с баскетбольный мяч. Подумать только, они подставляют себя под радиацию ради того, чтобы условиться, где встретиться в обед, и обсудить очередную выходку пасынка или падчерицы. Итак, мне смерть от рака мозга не грозила, зато надвигающаяся гроза или торнадо внушали серьезные опасения. То и дело поглядывая на небо, я все увеличивала скорость, но поняла, что от грозы мне все же не уйти. Оклахомские грозы очень своенравны; у каждой как будто собственный характер. Не устаю удивляться тому, как быстро и радикально может меняться летом погода в Оклахоме. Помню, как-то я загорала у бассейна очередного приятеля. В соответствии с этикетом, я расслаблялась лежа на спине. Кажется, самого приятеля в это время не было дома, иначе он не дал бы мне расслабиться ни на минуту. Да и как тут расслабишься, если тебе шепчут, что у тебя замечательные сиськи? Вдруг ветер изменил направление и стал холодным; открыв глаза, я увидела, что небо сплошь затянуто серыми тучами. Я подхватила вещички, написала благодарственную записку приятелю и уехала. Хотя жила я всего в пятнадцати минутах езды от него, не успела добраться до дому, как разверзлись хляби небесные. Серые тучи почернели. Деревья гнулись и жалобно стонали от жутких порывов ветра. В сплошных потоках ливня стало невозможно вести машину. Еще повезло, что я успела добраться до больнички в Брокен-Эрроу.

Мне хватило времени ввалиться в двери отделения неотложной помощи и спуститься в подвал, когда по центру городка пронесся торнадо.

Так что сейчас я, возможно, нервничала не зря. А проклятый горшок мне совсем не помогал.

Впереди показался зеленый с белым указатель: до Рапы десять миль. Едва я разглядела указатель, как небо буквально разверзлось, и мой «мустанг» чуть не захлебнулся в потоках ливня. Я люблю свою бибишку. Обожаю ее! Но «форд-мустанг» – не та машина, в которой можно ездить в ливень. Ее сразу заносит. Я переключилась на пониженную передачу, включила «дворники» и сосредоточила все внимание на том, чтобы не съехать в кювет. Попробовала включить радио – сплошные помехи. Деревья, которые я смутно видела на обочине, клонились к земле под самыми неестественными углами. Я включила дальний свет, но видимость все равно была нулевая. Порывы ветра били в машину со всех сторон; чтобы не потерять управление, пришлось вцепиться в руль обеими потными руками.

Почему ладони вспотели?

– Что за хрень?

В салоне стало тепло. Почему? Из вентиляционных отверстий лились струйки прохладного воздуха, и все равно меня охватил неприятный жар.

И вдруг я поняла, в чем дело. Жар шел от проклятой коробки. Одним глазом я смотрела вперед, на дорогу, хотя все равно ничего не видела, другим косилась на коробку. Клянусь, она мерцала, как будто в ней находился только что включенный инфракрасный обогреватель...

Я оторвала взгляд от коробки и...

О господи! Дорога вдруг куда-то пропала! Шины закрипели по гравию на обочине; я поспешно крутанула руль влево. Машину занесло; пробуя как-то выровнять ее, я выкрутила руль вправо... Бесплезно! Порывы ветра и потоки дождя не давали ничего разглядеть. Из последних сил я вцепилась в руль, стараясь убрать занос. Меня завертело. Услышав визг покрышек, я охнула. Сердце провалилось куда-то в желудок. А потом весь мир перевернулся вверх ногами.

Висок тут же кольнуло острой болью. Запахло дымом. Оказывается, я зажмурилась; но, открыв глаза, решила, что угодила прямо на Солнце. Ваза вывалилась из коробки и превратилась в огненный шар. Медленно вращаясь, шар плыл ко мне. Время остановилось. Где я? Похоже, меня отправили на окраину ада! Неожиданно я увидела в ярко светящемся шаре собственное отражение, но какое-то искаженное, как будто смотрела на объятый пламенем водоем, поверхность которого пошла рябью. Я увидела себя совершенно голой; с распростертыми руками и запрокинутой назад головой, я вращалась в языке пламени, словно языческая танцовщица. Огонь и дым окружали меня, и я поняла, что сейчас умру. Нет, передо мной не пронеслась за один миг вся моя жизнь; я не стала жалеть об оставленных друзьях и родственниках. Моя последняя мысль была абсолютно лишена возвышенности: «Черт возьми, так и знала, что надо перестать чертыхаться! Что, если Бог – и правда баптист?»

Часть вторая

Глава 1

Сознание возвращалось ко мне постепенно; все как-то ускользало. Мне казалось, что я сплю и вижу сон, похожий на тот, что снился мне в один особенно паршивый период жизни. Сон сопровождался мучительными судорогами. Во сне судороги перемежались с болезненными, но вместе с тем желанными родовыми схватками. Вдруг я родила печенье с кремовой начинкой, и мне сразу полегчало... А, поняла! Я увидела классический эротический сон по Фрейдю.

Очень болела голова. Она просто раскалывалась. Мне было хуже, чем во время приступа мигрени, хуже даже, чем с похмелья, когда не помнишь, какую дрянь вчера пила и что с чем мешала. А уж тело... вот тела своего я совсем не чувствовала. И глаза не разлеплялись. Да, скорее всего, я умерла. Ничего удивительного...

Меня нежно, как друг, окутала темнота.

В следующий раз, когда я очнулась, у меня все еще ужасно болела голова – прямо раскалывалась. Зато тело я чувствовала – и еще как! У меня болела каждая клеточка, каждый мускул, как будто я заразилась самым жутким, самым гадским адовым гриппом! А что, если я и правда в аду? Если сейчас кто-нибудь заорет на меня и потребует, чтобы я решала математические задачи, я сразу пойму, что очутилась в аду... Но я ничего не слышала, кроме странного звона – должно быть, звенело у меня в ушах. Я попробовала открыть глаза, но веки не слушались – наверное, потому, что у трупов веки не поднимаются. Сердце... как будто выскакивало из груди. А разве у трупов сердце бьется? Интересно, мертвые испытывают страх? Наверное, да... На сей раз темнота не была добрым другом, но она звала прийти к ней в темные объятия, и я закужилась в бесконечной спирали...

– Лежи тихо, госпожа, все будет хорошо.

Нежный и знакомый голос говорил с каким-то странным напевным акцентом. Голова у меня как будто налилась свинцом; мне было жарко, и все тело болело. Казалось, будто на мне живого места нет. На голове у меня что-то лежало, и я сосредоточилась на влажной прохладе. Дотронулась до толстого компресса, но кто-то осторожно отодвинул мою руку.

– Все хорошо, госпожа, я здесь. – Вот опять – голос знакомый, а узнать не получается.

– Где... – Ну и голос у меня! В горле не просто першило; его как будто жгло огнем.

Огонь! Неожиданно я все вспомнила, и мне стало страшно.

На сей раз, когда я велела глазам открыться, они меня послушались. Я старалась сосредоточиться и сфокусироваться, но темные очертания и отблески света сливались в одно большое пятно. Огромное пятно, сидевшее рядом со мной, пошевелилось, образ постепенно обретал четкие контуры...

Слава богу, рядом со мной Сюзанна! Раз она здесь, значит, я не умерла; может, все и вправду будет хорошо. Я старалась не отводить глаз от подруги; вдруг все вокруг потемнело. Я быстро заморгала глазами, чтобы снова хорошо ее видеть. Сюзанна держала меня за руку, но, как ни странно, заметив, что я открыла глаза, она попыталась отстраниться и как будто побледнела... Потом вместо одной Сюзанны я увидела двух, потом четырех. Потом их снова стало две, потом четыре... Перед глазами все плыло.

– Госпожа, лежи тихо. Сегодня ты много пережила, и твоему телу и душе необходим отдых. Не беспокойся, тебе ничто не угрожает, все хорошо.

Я хотела спросить, какого дьявола она так странно выражается, но из моего горла вырвалось какое-то змеиное шипение – точнее, звук, который издает какой-нибудь дрянной опоссум,

попав в луч света фар ночью на дороге. Нет, они не притворяются мертвыми, они шипят и до смерти пугают ничего не подозревающих женщин, которые остановили машину на неосвященной проселочной дороге, чтобы без помех сбегать в кусты. В общем, я и сама себя не поняла и решила, что Сюзанна тоже вряд ли меня поймет. Она поспешно обернулась, и кто-то, кого я видела неотчетливо, протянул ей кубок. Кубок? Да еще золотой? В больнице-то?!

– Выпей, госпожа. Питье смягчит горло и поможет тебе уснуть. – Ее рука осторожно приподняла мне голову; она поднесла кубок к моим губам, и я, кашляя и давясь, стала глотать сладкую, густую жидкость.

Едва голова оторвалась от подушки, как виски сдавило волнами боли. Вокруг все снова стремительно чернело; я старалась не сводить взгляда с подруги. Она сняла с моего лба компресс и сменила его на новый, прохладный, который ей передала невероятно молодая сестричка в странной полупрозрачной форме. Вид у сестрички был такой, словно она вот-вот пойдет отплясывать ирландские танцы куда-нибудь на лужок, а не обходить больных в блоке интенсивной терапии или отделении неотложной помощи...

Чернота на этот раз была со сладковатым привкусом лекарства, напоминающего микстуру от кашля.

В следующий раз мрак рассеялся внезапно, и пробуждение оказалось малоприятным. О нет, только не это! Сейчас меня...

– Госпожа, позволь я тебе помогу. – Сюзанна приподняла мне голову и убрала волосы со лба. Меня вырвало прямо на постель. Сюзанна и в самом деле лучшая подруга; мне стыдно, что я однажды обозвала ее снобкой! Когда меня наконец вывернуло наизнанку, она уложила меня на подушку и обтерла мне лицо.

Терпеть не могу рвоту. От всей души ненавижу. Так было всегда. Когда меня тошнит, меня всю трясет и я не могу сдержаться. Хорошо, что со мной такое происходит нечасто, но, когда меня тошнит, я становлюсь беспомощной, как младенец. Естественно, меня и сейчас трясло не переставая. Голова продолжала кружиться; я по-прежнему не понимала, где нахожусь. Наверное, все дело в том, что я умерла.

– Во... воды, – кое-как прохрипела я.

Сюзанна немедленно подала знак дежурной сестричке, и перед моими глазами появился еще один кубок. Сюзанна поднесла его к моим губам и помогла сделать глоток.

– Тьфу... – Я выплюнула почти все. В кубке оказалась не вода, а легкое вино. Вообще-то вино я обожаю, но только не после рвоты. – Сюз! Во... воды! – Я смерила подругу многозначительным взглядом: как только мне станет лучше, подруга, я тебя убью! Может, до нее наконец дойдет?

– Да, госпожа! – Сюзанна снова побледнела и, обернувшись к молоденькой сестричке, сунула ей кубок. Кстати, что это за больница такая странная? – Сейчас же принеси госпоже Рианнон воды!

Молоденькая сестричка, похожая на нимфу, стремительно выбежала вон.

Сюзанна повернулась ко мне, но почему-то избегала смотреть мне в глаза.

– Прости, госпожа. Я неправильно тебя поняла. Это я во всем виновата, а не девушка. – Она сложила ладони перед грудью, как будто молилась, и склонила голову, по-прежнему упорно отводя глаза в сторону.

Черт побери, что же происходит? Я дотянулась до ее пальцев и дернула. Пусть, наконец, посмотрит на меня! И вдруг я заметила ее волосы. Цвет был ее, обычный – светло-русый, с красивыми, натуральными более светлыми прядями, – но пряди эти доставали ей до талии, так что одна из них упала мне на руку..

– Не может быть! Как... – с трудом, заикаясь, произнесла я. У Сюзанны всегда была короткая, сексуальная стрижка. Я люблю поддразнивать ее насчет ее игриво взъерошенных волос. Она отвечает: «О, спасибо!» – и самодовольно жмурится, как кошка, только что выла-

кавшая блюдце сливок. Когда она успела отрастить волосы до пояса? Ничего себе! Неужели я много лет пролежала в коме? Может, я валялась в отключке целый миллиард лет, а Сюз, пока я была без сознания, с горя решила уподобиться какой-нибудь леди Годиве и без моих мудрых советов по поводу ее внешности – подруги ведь должны давать друг другу советы, как лучше выглядеть? – она отрастила волосы до самой задницы!

Но нет, она не выглядит ни на минуту старше. Вот зараза!

Она по-прежнему избегала смотреть мне в лицо, зато я пристально разглядывала ее. Сюзанна, никаких сомнений! Та же хрупкая фигура. То же красивое круглое лицо, которое дышит добротой. И длинные пряди она нервно заправляет за уши – совсем так же она делала, когда у нее еще были короткие волосы. У нее те же веснушки на носу и высокие скулы. Если она улыбнется (хотя сейчас, по-моему, ей не до того), я наверняка увижу знакомые ямочки у нее на щеках, по обе стороны от полных губ.

– Сюз... – Я снова дернула ее за руку, стараясь заставить посмотреть на меня. Она подняла голову, и я увидела ее золотисто-карие глаза, которые так хорошо знала. – Что... – Я попыталась спросить: «Что происходит, подруга?» Она как будто расслабилась, но тут вбежала медсестра (ну да, нимфетка в самом деле вбежала в палату рысцой) с новым кубком:

– Вот, госпожа.

Слава богу, настоящая вода. И даже холодная! Я старалась пить мелкими глотками, но моему бедному горлу и это было трудно.

– Сп...пасибо, – с трудом прохрипела я.

Сюзанне пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать меня, но я увидела, что она все поняла, потому что она вдруг покраснела, торопливо схватила мягкую тряпочку и промокнула мне губы.

Я с изумлением поняла, что очень устала. А ведь я ничего не делала – меня всего лишь вывернуло наизнанку, потом я пробовала заговорить и выпила пару глотков воды. Что-то тихо мурлыча себе под нос, Сюзанна убрала мне волосы со лба.

– Спи, госпожа. Все хорошо!

И что, интересно знать, на ней надето?..

Вторая моя подруга, чернота, снова пришла неожиданно и забрала меня в свои объятия.

Глава 2

– Прости меня, госпожа! Тебе надо просыпаться! Нет, приказала я своему подсознанию. Дай поспать! Должно быть, я сплю и вижу страшный сон. Может, если зажмуриться покрепче и пожелать, чтобы мне приснился Хью Джекмен, влюбленный в меня по уши, я снова уплыву в свою Волшебную страну... Потом я совершила большую ошибку – сделала глотательное движение. Ну и болит же горло... Черт! Да... верно. Я, скорее всего, умерла.

Глаза у меня широко распахнулись.

По обе стороны длинноволосой Сюзанны стояли две сестрички-нимфетки. Одна держала на вытянутых голых руках нечто прозрачное. Вторая держала гребни, расчески и что-то очень миленькое, золотое, похожее на корону (кажется, такие штучки называются диадемами).

Хм... Наверное, в аду не так уж плохо, раз там есть такие украшения!

– Госпожа, только что прибыл гонец от твоего отца; он объявил, что оглашение совершилось и твой нареченный спешит к тебе, чтобы совершить обряд руковождения.

Мой – кто?

– Обряд состоится сегодня. Прошу тебя, проснись. Мы должны тебя подготовить.

Глядя на нее, я тупо моргала глазами. О чем она говорит? Мой нареченный? Да у меня сейчас вообще никого нет! Последнего парня, с которым у нас было «свидание вслепую», я послала далеко и надолго (кстати, надо бы запомнить: больше никаких «свиданий вслепую!»).

Сюзанна все мялась в нерешительности.

– Госпожа, ты по-прежнему не можешь говорить?

– Госсс... ой! – С чего вдруг она именует меня госпожой? Совсем спятила, что ли? Очевидно, мое шипение, похожее на протест злобного опоссума, оказалось достаточно красноречивым. Я заметила, что при звуках моего странного голоса обе очаровательные нимфетки страшно перепугались. Сюзанна почему-то обозлилась; она выхватила у сестричек прозрачное одеяние, гребни и украшения.

– Можете идти! – Ну и суровый же у нее голос! И вместе с тем по-прежнему какой-то странный, напевный выговор. – Я сама позабочусь о госпоже.

Сестрички с явным облегчением поспешили прочь. Наверное, жалеют, что пошли учиться на медсестер.

– Госпожа, обопрись о мою руку, и я отведу тебя в купальню.

Вы, наверное, подумаете, что процесс вставания и путешествия в ванну, которая тебе очень нужна, – дело нетрудное. Возможно, все это и было бы нетрудно, если бы проклятая комната перестала кружиться перед моими глазами.

– А-а-ах... – Мне показалось, что я хромаю, как ведьма из первого акта «Макбета». Да и волосы засалились так, что я вполне годилась на роль ведьмы.

– Все хорошо, госпожа. Пойдем, осталось лишь несколько шагов.

Мы шли по тускло освещенному коридору. Подняв голову, я заметила, что свет тусклый, потому что... (вдруг я замерла на месте) к железным скобам крепились самые настоящие факелы. Я закончила университет; меня не проведешь. В нормальной больнице факелам не место! И... чтоб мне провалиться! Я совершенно уверена в том, что у меня нет никакого нареченного!

– Госпожа, ты желаешь отдохнуть?

Какая муха укусила Сюзанну? Может, пока я валялась в отключке, перестали выпускать прозак, и с ней приключилось помешательство на почве средневековой поэзии? Я и так держала ее за одну руку, теперь же кое-как извернувшись, я схватила ее и за другую, силой развернула лицом к себе и посмотрела ей в глаза. Я не спешила и несколько раз сглотнула слюну,

чтобы избавиться от опоссумьего шипения. Не отрывая от нее взгляда, я медленно, но многозначительно спросила:

– Что случилось?

Она по-прежнему пыталась отвести глаза, но я хорошенько тряхнула ее, и она вынуждена была посмотреть на меня в упор.

– Госпожа... – Она помолчала и огляделась по сторонам, как будто боялась, что нас подслушают, а потом прошептала на полном серьезе, словно Опра Уинфри, пришедшая в обувной магазин: – Как тебя зовут?

Ладно, хочет поиграть – поиграем. Но если сейчас из-за угла вдруг выскочит Шон Коннери, я сразу пойму, что вижу самый запутанный и странный сон на свете.

– Шеннон, – прохрипела я, стараясь выговаривать звуки как можно отчетливее.

Она и глазом не моргнула.

– А меня как зовут?

Ну надо же! Наверное, перебрала – Сюз никогда не умела пить. Стоит ей хлебнуть глоточек текилы – и готово, она погружается в nirvanу для блондинок. Я подозрительно принялась и вздохнула. Ничего подобного; спиртным и не пахнет.

– Тебя зовут Сюзанна.

Она склонилась ко мне еще ближе и медленно покачала головой из стороны в сторону. Мне показалось, что ей стоит больших трудов не отводить от меня взгляда. Я не могла не заметить, что страх, который излучали ее глаза, теперь смешивался с жалостью.

– Нет, госпожа.

Ее ласковый голос с незнакомым акцентом меня ошеломил:

– Меня зовут не Сюзанна, а Аланна. А ты не Шеннон, ты моя госпожа Рианнон, Верховная жрица богини Эпоны, дочь Маккаллана, нареченная невеста Верховного шамана Кланфинтана.

– Какая фигня!

– Знаю, госпожа, тебе сейчас, должно быть, трудно. Пойдем со мной. Я помогу тебе подготовиться и попытаюсь объяснить, как все это вышло. – В ее голосе звучала неподдельная забота. Видя, что я остолбенела, она взяла меня за руку и повела по коридору. Вскоре справа я увидела приоткрытую дверь.

Помещение, в которое мы вошли, вызывало в воображении документальные фильмы канала Пи-би-эс, в которых вначале показывают какие-нибудь развалины, бесформенное нагромождение битого камня и полуразрушенных колонн. Затем руины обрабатывают с помощью компьютерной графики, и зрители видят, как выглядело то или иное место в расцвете славы. Купальня определенно напоминала такую вот компьютерную реконструкцию. Пол и потолок из гладкого мрамора. Трудно сказать, сам ли мрамор такой золотистый, или на него падают отблески пламени от многочисленных настенных факелов. В стенах на разной высоте были вырублены глубокие ниши. В них горели высокие свечи, стоящие в каких-то странных подсвечниках (ох, люблю настоящее золото!), отчего стены тоже казались позолоченными. Перед громадным зеркалом стоял резной туалетный столик. Зеркало слегка затуманилось от пара, поднимавшегося от глубокой и огромной ванны, больше похожей на бассейн. Ванна, до краев наполненная чистой, пузырящейся водой, стояла посреди комнаты. Излишки воды переливались еще в одну ванну, стоящую рядом. Здесь было так тепло и влажно, что я немного отмякла. Сам воздух словно ласкал, обволакивал. Сделав несколько вдохов, я успокоилась. А вот запах кое-что мне напомнил...

– Минеральный источник! – В таком целебном месте у меня даже голос прорезался – так что Сюз или Аланне не пришлось напрягаться, чтобы понять меня.

– Да, госпожа.

Мне показалось, она немного обрадовалась, увидев, что я не совсем безнадежна и могу говорить почти членораздельно (если честно, это удавалось мне с трудом – примерно как жевать резинку на ходу).

– Позволь я помогу тебе разоблачиться. – Она ловко и уверенно сняла с меня халат и жестом показала на каменные ступени, по которым я спустилась в бурлящую, дымящуюся воду. Ванна была глубокой, но по ближнему ко мне бортику шел гладкий, достаточно широкий выступ. Я нерешительно села на него. Мне казалось, что на мне вековая грязь; я глубоко вздохнула. Полузакрыв глаза, я наблюдала за тем, как Сюзанна-Аланна берет с туалетного столика губки и какие-то горшочки и флаконы. Затем она налила из кувшина в кубок (ну да, золотой) темно-красную жидкость и опустила на колени у края ванны, рядом с моим выступом.

Я с благодарностью взяла кубок и отпила глоток. Какое чудесное каберне! Я зажмурилась от удовольствия. Тем временем Сюзанна привычно, как будто делала так каждый день, подняла мою свободную от кубка руку и принялась намыливать ее губкой. Я чуть не подавилась и поспешно отдернулась.

– Госпожа, тебе нужно подготовиться к встрече с нареченным!

– Я... (глоток, вздох)... могу (глоток)... помыться (вздох)... и са... (вздох) ма! – Я резко поставила кубок рядом с ней и с усилием прошептала: – И не думай, будто тебе удастся заговорить мне зубы и я забуду тот бред, который ты несла в коридоре. А ну-ка, Сюзанна Мишель, немедленно объясни, что происходит!

Подруги называют друг друга полными именами только в двух случаях: когда ссорятся и когда обсуждают сексуальные извращения... В общем, она поняла, что я говорю серьезно.

– Прости, госпожа. Я не хотела обижать тебя и уклоняться от ответа... – Она склонила голову и покорно сложила руки перед грудью, словно ожидая наказания.

Я понятия не имела, что происходит, но чувствовала: что-то не так. В одном я не сомневалась: как бы там ни было, чудесное каберне мне поможет. Еще один глоток божественного напитка смягчил горло, почти так же, как теплая вода – тело. Сюзанна не двинулась с места. Чтобы не напрягать голосовые связки, я решила общаться шепотом. Возможно, так мне скорее удастся объясниться. А не удастся – упьюсь до потери сознания, и тогда мне будет наплевать на все!

– Сюз! – Услышав мой шепот, она медленно подняла подбородок. – Я не сошла с ума, неужели сама не видишь?

В ее глазах отразилось смятение, но она быстро взяла себя в руки.

– Начни сначала и объясни, где мы находимся. – Мне показалось, что моя просьба достаточно проста.

– Мы в купальне Высокого храма Эпоны.

Я скривилась. Как же, ври больше... Разве в «библейском поясе» принято называть больницы в честь языческих богинь?

Может быть, я выразилась недостаточно ясно?

– В каком я штате? – Еще кубок-другой такого вина, и мы с опоссумом будем готовы к чему угодно.

– Госпожа, твои стати действительно пострадали, но похоже, что ты на удивление быстро поправляешься. – Она заморгала глазами и стала похожа на кролика.

– Нет, Сюз, я имею в виду не мои стати. Объясни, в каком я штате... ну, в каком государстве?

Она по-прежнему смотрела на меня кроличьим взглядом. Потом глубоко вздохнула.

– В каком из пятидесяти штатов США мы находимся? – Очень не вовремя у меня пропал голос!

– Ты имеешь в виду наше местоположение в мире? – Кажется, до нее начало доходить.

– Да, подружка!

Когда приду в себя, испеку для нее шоколадную коврижку с начинкой из прозака!

– Храму Эпоны принадлежат все окрестные уголья. А ты, как Верховная жрица Эпоны, – полновластная хозяйка всех ее земель!

Наконец хоть что-то приятное. У меня психоз, у лучшей подруги нервный срыв, зато я, оказывается, здесь полновластная хозяйка! Как сказал бы Король (я имею в виду Элвиса Пресли, а не какого-нибудь средневекового сказочного чудака), «спасибо! Спасибо тебе большое!».

– Сюзанна, не хочу злить или огорчать тебя – ты, главное, не плачь! (Сюз всегда была плаксой.) Если честно, я ни хрена не понимаю, о чем ты говоришь.

– Госпожа, – робко ответила она, – возможно, дело в том, что ты сейчас находишься не в своем мире.

М-да... наконец-то что-то начало проясняться.

– Сюзанна, ты только что сказала, что я полновластная хозяйка всех здешних земель... А еще скоро здесь будет мой, как ты выразилась, нареченный. Черт тебя побери, можешь объяснить, что ты имеешь в виду? Кстати, плесни-ка мне еще винца; кажется, оно на меня благотворно действует.

По-моему, она поспешила выполнить мою просьбу с явным облегчением – наверное, воспользовалась передышкой, чтобы собрать свои разбежавшиеся мысли в кучку. Может быть, мне в конце концов и удастся добраться до сути. Если только Сюз специально не пудрит мне мозги, желая отомстить за то, что месяц назад я забыла поздравить ее с днем рождения. Вот ведь стерва! Так и знала, что она до сих пор злится на меня!

– Все очень сложно, госпожа.

– Сюз, прекрати называть меня госпожой. Ты говоришь как джинн Джинни!

Она даже не улыбнулась, и я начала медленно закипать. Терпеть не могу, когда подруга не понимает мои намеки, а ведь я точно знаю, что она смотрела сериал «Сон Джинни» – про то, как женщина-джинн влюбилась в астронавта!

– Отвечай кратко и по существу, а я постараюсь во всем разобраться. – А потом записать тебя на прием к психотерапевту...

– Моя истинная хозяйка, госпожа Рианнон, поменялась с тобой местами. Она сказала, что в твоём мире есть разные чудесные механизмы, а власть принадлежит тем, кто наживает деньги на этих механизмах. Ей ужасно захотелось там жить. В одном из Волшебных снов ее душа перенеслась в твой мир. Там она увидела тебя. Рианнон говорила, что ты – ее зеркальное отражение, ее тень и что она может поменяться с тобой местами и таким образом попасть в твой мир. А здесь она оставила достаточно своего разума – так всегда бывает, когда она ходит в священную рощу, – и ее разум поможет тебе и направит тебя. – Сюзанна пытливо всмотрелась в меня и напевно, хотя и гораздо медленнее, продолжала: – Но сейчас я не ощущаю ее присутствия. Внешне ты похожа на нее, но у тебя нет ее... – Она вдруг резко осеклась и продолжила после паузы: – Особенности ее поведения. И вот она стала тобой, а тебе надлежит стать ею.

– Не может быть. Не верю!

– Госпожа Рианнон предвидела, что ты не поймешь меня или не поверишь мне, и поручила мне задать тебе один вопрос.

Я выжидательно подняла брови – ни дать ни взять Спок из «Звездного пути».

– Рассказывают ли в твоём мире истории о богах и богинях, о волшебстве, ведовстве, заклинаниях? – Она замолчала и устремила на меня выжидательный взгляд. Очевидно, мое выражение лица ее не устроило.

– Да, конечно. Я учительница. Я сама рассказываю детям такие истории.

– Моя госпожа Рианнон просила передать тебе, что все эти истории берут начало в нашем мире. Они проникают через Границу в виде теней и дыма и ищут в твоём мире свои зеркальные

отражения. Она велела передать, что и сама так узнала о твоём мире, проникнув туда в виде тени, и так отыскала в твоём мире свое зеркальное отражение – тебя.

– Сюз, похоже, ты сдвинулась на почве научной фантастики. Неужели ты серьезно думаешь, что я тебе поверю?

– Госпожа Рианнон сказала, что будет жить в твоём образе, который уже существует в твоём мире, а Границу преодолет с помощью огненной стены.

– Чертов горшок! – Не может быть...

– Прости, госпожа... Что ты сказала?

– Кстати, что там насчет огня? Интересно, как ей удалось не пострадать, если она прошла через огненную стену? И почему, кстати, я-то не обожглась?

С лица Сюзанны схлынула краска.

– Еще вина, госпожа?

– Угу. Кстати, на мой вопрос ты так и не ответила.

В дверь два раза негромко постучали. Сюзанна как будто смутилась, но смотрела на меня в упор и не отвечала. В чем дело?

– Можете войти! – крикнула она наконец.

В купальню с поклоном вошла еще одна нимфа.

Сюзанна бросила на меня виноватый взгляд. Ах да, все время забываю, что я здесь полновластная хозяйка! Наверное, это значит, что мне следует самой отдавать нимфам приказания. Ладно, попробую.

– В чем дело? – Хотя я по-прежнему шипела, как безголосый опоссум, я постаралась придать своему голосу интонацию, с какой говорила ученикам: «Вы мешаєте вести урок!» Кстати, мои ученики обожают, когда я так выражаюсь...

Юная нимфа с поклоном провозгласила:

– Госпожа, прибыл твой нареченный!

Я быстро покосилась на Сюзанну. Подруга называется – никакой от нее помощи! Зажмурилась, а губы шевелятся, как будто молится. Ну и дела...

– Отлично. Передай ему... (Погоди, думай, думай!) Передай ему... гм... (Тут нимфа изумленно вытаращила глаза. Ой-ой-ой... Наверное, госпожи и полновластные хозяйки не хмыкают...) Передай, что я приму его, когда закончу одеваться. – Уф! Я все-таки женщина, какие бы странные имена мне тут ни давали... Должно быть, мужчины в любом мире привыкли ждать, пока женщины приготовятся к встрече с ними.

– Да, госпожа. – Нимфа поспешно удалилась.

Кажется, уловка удалась! Я почувствовала себя почти Пенелопой.

– Ну, подруга, и как я тебе? Удастся мне говорить как полновластной хозяйке всех здешних мест?

– Госпожа, мы ведем опасную игру!

– Сюз, да перестань ты! Ведь это все во сне!

– Прошу тебя, госпожа... – она сжала мои руки, – если ты хоть сколько-нибудь любишь свою Сюзанну, выслушай меня внимательно и запомни мои слова. От того, как ты поведешь себя сегодня, зависит не только твоя жизнь!

– Ладно, ладно, Сюз, не дергайся. Давай говори. Я тебя слушаю.

– Во-первых, не называй меня этим именем. Ты должна называть меня только Аланной. Сегодня ты встретишься с Кланфинтаном. Срок помолвки истек, и настало время руковождения.

Я уже хотела было отказаться, но в ее глазах мелькнуло нечто такое, что я прикусила язык. Она на самом деле верит в то, что говорит! Она не притворяется и не разыгрывает меня! Лицо у нее сделалось испуганное.

– Ты знаешь, я всегда помогу тебе, подру...

– Аланна! Когда обращаешься ко мне, прошу, называй только так. Ты меня понимаешь?

– Да, Аланна. – Я никак не могла уразуметь, что случилось, мне нужно было больше выяснить, но ясно одно. Сюз... то есть, пардон, Аланне срочно нужно к психиатру. – Руковерчение? Если я не ошибаюсь, это временный... так сказать, пробный брачный союз?

– Да, госпожа. Вы станете мужем и женой всего на один год. – Она опять отвела глаза.

– Почему Рианнон выходит за этого... как его... только на год?

– По условиям договора. – Вдруг она развила бурную деятельность: схватила с мраморного столика флакон и принялась деловито сыпать в ванну нечто пахнущее жимолостью. Да, она явно что-то скрывала от меня. Много чего скрывала.

– Интересно, как я стану женой парня, которого в жизни не видела?

– Его видела госпожа Рианнон.

По выражению ее лица я догадалась, что это не очень-то хорошо.

– Я представлю тебя и объясню, что во время последнего Лунного ритуала с тобой произошло несчастье: ты лишилась голоса. Говорить за тебя буду я. – Она деловито помогла мне выйти из теплого бассейна, и я с трудом заставила себя не обращать внимания на то, что Сюзанна-Аланна растерла меня досуха, – очевидно, считает это само собой разумеющимся.

– Все хорошо, но как же насчет... м-м-м... интимных подробностей моего так называемого брачного союза? Я даже не знаю этого парня... и не собираюсь вступать с ним в брачные отношения! – А вдруг он окажется зеркальным отражением моего бывшего мужа? Тогда точно будет полный абзац.

– Главное, не забывай, что ты – госпожа Рианнон, Верховная жрица и Любимица Эпоны. Госпожа Рианнон позволяет к себе прикасаться, только когда сама того хочет.

– Это относится и к мужчине, за которого она выходит замуж?

– Да, и к нему тоже, – вполне уверенно заявила Аланна.

Я улыбнулась. Должно быть, я (то есть эта Рианнон) – редкая стерва. Аланна развернула невесомый сверток, который держала в руках. Ну и красота! Мой цвет: мерцающий золотисто-рыжий, который как будто все время переливается.

– Прошу, госпожа, разведи руки в стороны.

Выполнив ее просьбу, я временно оказалась заложницей Аланны и вынуждена была покорно слушать ее, пока она оборачивала мое тело прозрачной материей. Не оборачиваясь, она протянула руку к туалетному столику, взяла с него две искусно сплетенные застежки из золотой проволоки и ловко закрепила мое одеяние на талии и на плече. Примерно так, наверное, оборачивают и застегивают шотландские килты – правда, не думаю, что килты бывают полупрозрачные и шелковистые. Отойдя на шаг, она полюбовалась своей работой, где-то поправила, где-то подоткнула. Совсем как Сюзанна – та тоже известная рукодельница.

– Господи, да ведь оно прозрачное!

Одеяние и правда оказалось совсем прозрачным – не таким, какое носят шлюхи, которые в полночь ловят клиентов на углу Одиннадцатой и Пеории-стрит, а примерно таким, какое было на Элизабет Тейлор в роли Клеопатры.

– О, прости, я забыла! – Она взяла с туалетного столика треугольник из такой же прозрачной ткани (я решила, что это носовой платок) и протянула мне, предлагая надеть. Серьезно, это оказались трусики – из тех, что у нас называют «танга»! Да уж, в них я сразу почувствовала себя лучше... Хотя они ничего не закрывали. Ну и дела! – Прошу тебя, садись, госпожа, и я уберу тебе волосы.

Отлично! Но, если честно, мне бы и одеться как следует не помешало.

Бросив сосредоточенный взгляд на мои сырые кудряшки, она приступила к работе: начала расчесывать их редким гребнем.

– Волосы у тебя короче, чем у нее. Такие же, но короче. Пока не отрастут до нужной длины, придется зачесывать их наверх.

У меня сложилось впечатление, что она обращается к волосам, а не ко мне. Расслабившись от ее приготовлений, я решила, что прическа мне понравится.

Не знаю, как вы, а я, когда меня причесывают, испытываю почти сексуальное наслаждение. Лучше этого только хороший, искусный массаж ног. Обалдеть! Из транса меня вывела Аланна; она потянулась за каким-то украшением. Вот еще одно полезное свойство драгоценностей – они, оказывается, выводят из транса.

Она положила мне на лоб тонкий золотой обруч, художественно расположив вокруг мои еще влажные волосы. Я вертела головой из стороны в сторону, чтобы лучше видеть. Пламя свечей отражалось от полированного золота и высветило камни в центре ободка, которые пламенили на огне. Я нагнулась ближе к зеркалу:

– Гранаты?

– Да, госпожа. Твои любимые камни.

– Мои любимые камни? – Мне с трудом удалось подавить изумление.

Впервые за весь день она улыбнулась по-настоящему – почти как моя Сюзанна.

– Точнее, любимые камни Рианнон.

– Вообще-то я больше всего люблю бриллианты, но и гранаты тоже ничего. – Я улыбнулась в ответ, и у меня на душе немного полегчало; стало почти хорошо.

– Госпожа, тебе не следует забывать о том, что ты и есть Рианнон. – Она снова превратилась в серьезную Аланну.

– Да ладно, какие проблемы?

Аланна явно испытала облегчение и продолжила укладывать мои рыжие кудри в прическу, красиво обрамлявшую лицо и спадавшую на спину.

– А сейчас я займусь лицом.

Я не сомневалась, что при ближайшем рассмотрении моего лица кто угодно помрачнеет, потому что она смерила меня упрямым, типично Сюзанниным взглядом и приступила к работе, придвинув к себе многочисленные флаконы и баночки с пудрой и кремами, в беспорядке расставленные по туалетному столу.

– М-м-м... делай с моим лицом что хочешь. У меня к тебе только одна просьба: помада должна быть золотисто-коричневой. И побольше!

– В точности то же самое выбрала бы и Рианнон.

– По-моему, это странно.

– Она сказала, что у вас с ней душа общая. – Аланна испуганно посмотрела на меня и тут же отвела глаза в сторону.

Что ж, пора ее просветить раз навсегда!

– Она соврала.

– Прости, госпожа, что ты сказала? – Вид у Аланны сделался такой, словно ее только что ударило током.

– Аланна, я сказала, что она соврала. Я не она, я – Шеннон Паркер, учительница английского и литературы. Я преподаю в старших классах школы в городе Брокен-Эрроу, штат Оклахома. Со мной приключилось нечто невероятное, гораздо более запутанное, чем половое созревание, и я еще сама не поняла, как со всем этим разбираться. Я тебе помогу. Но я точно знаю, кто я такая. Я – не она. – Говоря, я смотрела на нее в упор. – Понимаешь?

– Да, госпожа. Правда, понять тебя нелегко.

– Точно, без балды.

Она снова улыбнулась:

– Ты очень странно выражаешься!

– И ты тоже. У тебя странный акцент – помесь шотландского и того, как говорит Диана Трой из «Звездного пути».

Аланна пришла в полное замешательство.

– Не бери в голову. Это не важно.

Она опять улыбнулась и снова занялась моим лицом. Я озиралась по сторонам. Наконец-то я немного расслабилась, согрелась. Спать не хотелось совсем. Наверное, так всегда бывает после смерти или комы? К тому же их (смерть или кому) дополнили восемь часов крепкого, здорового сна. Я то и дело поглядывала на свечи, мерцавшие в кремовых нишах. Они словно притягивали мой взгляд – странное чувство, но не могу сказать, чтобы оно было неприятным.

– Какие необычные подсвечники! Похожи на... фу-у-у! Неужели черепа?

– Да, конечно, госпожа.

Похоже, моя гримаса ее удивила.

– Черепа – неотъемлемая часть культа Эпоны, ведь она также охраняет души умерших, когда те переходят в подземный мир... – Она смерила меня наставительным взглядом. – Наверное, даже в твоём мире знают, что могущество и тайна проистекают из огня, горящего в голове, вместилища учения и знания?

Я изумленно молчала; она хмыкнула – клянусь, в точности как Сюзанна!

– Ты стремишься окружать себя символами могущества разума, что вполне закономерно.

– Но эти черепа оправлены золотом!

– Конечно, госпожа. У Верховной жрицы и Любимицы Эпоны должно быть только самое лучшее. – Она поджала губы с таким видом, словно я предложила вместо пятизвездочного отеля остановиться в захудалом мотеле.

Поразительно! Похоже, в конце концов я нашла вещь в золотой оправе, которая мне определенно не нравится!

– Расскажи мне о моем нареченном. Как его зовут?

Аланна продолжала наносить макияж на мое усталое лицо, пытаясь сделать из него конфетку.

– Его зовут Кланфинтан. Он Верховный шаман... могущественный и всеми почитаемый.

Только этого не хватает... Хм... Хорошо, что я не Гамлет, потому что в Датском королевстве, безусловно, что-то прогнило.

– Значит, я что же – влюблена в него?

– Нет, госпожа. – Аланна опять как будто испугалась. – Руковручение состоится по велению твоего отца.

– А я думала, я здесь полновластная хозяйка!

– Так и есть, госпожа, но иногда высшее благо для всех ставится превыше желания отдельных людей.

Теперь она рассуждает как Спок...

– Ладно, допустим. Вполне разумно. Он что, такой страшный?

– Нет, госпожа. – Судя по ее виду, она не лгала. Когда ей хотелось, она была превосходной актрисой.

– Тогда что у него не так? У него вирус герпеса? Он лысеет? У него крошечный пенис? А может, еще хуже – он скряга?

– Ни о чем таком я не знаю, госпожа.

Ну ладно, даже если она что-то знает, все равно не скажет. Придется все выяснять самой.

– Твой туалет завершен. – Она продела мне в уши гранатовые серьги – тяжелые гроздьи – и надела на предплечье гранатовый же браслет в золотой оправе.

Я встала.

– Ты красива, как всегда!

Мне послышалось, или в ее голосе в самом деле мелькнули самодовольные нотки?

Пришлось признать, что Аланна права. Для женщины, которая считала, что несколько часов назад побывала в аду, я выглядела чертовски привлекательной. Нехорошо нахваливать саму себя, и все-таки... Хотя одежды на мне кот наплакал, выгляжу я неплохо.

– Пора на подиум!

– Поди... куда, госпожа?

– Не важно. Давай поскорее покончим с этим... Кстати, я вспомнила, что у меня несколько суток крошки во рту не было.

– Следуй за мной, госпожа!

Я последовала; Аланна говорила очень тихо, заговорщически.

– Разумеется, всегда первой идешь ты. Но сегодня я пойду чуть впереди тебя. – Обернувшись через плечо, она понаблюдала за моей походкой. – Хорошо, госпожа. Тебе уже лучше. Помни, госпожа Рианнон никогда не спешит, если только сама не желает быстро куда-то попасть. Иди медленно, с чувством собственного достоинства... ты ведь властвуешь надо всем, что видишь.

– А я властвую? – поддразнила я.

– Конечно!

Ха! Неужели и правда властвую? Если честно, ее ответ меня удивил. Я властвую надо всем, что вижу! И так, я не спеша, с чувством собственного достоинства шагала вперед, озираясь, точнее, откровенно пялясь на все вокруг. Сейчас я познакомлюсь с типом, за которого мне предстоит выйти замуж. Мы очутились в коридоре, похожем на тот, что вел в купальню, только сейчас, по-моему, шли в противоположном направлении – прямо, никуда не сворачивая. Аланна шагала впереди, прямая как палка. Точнее, похоже было, будто ее посадили на кол. Присмотревшись, я расправила плечи и попробовала ей подражать. Повернув за угол, мы очутились перед огромными двойными дверями. Они были украшены затейливой резьбой – я узнала переплетенные кельтские кольца. Прищурившись, я всмотрелась внимательнее. Ей-богу, я и здесь разглядела черепа! Правда-правда, я не шучу. Впрочем, глаза мои недолго любовались резьбой; сбоку от дверей стояли еще более дивные украшения – два красавца стража, почти обнаженные.

При моем приближении каждый встал по стойке «смирно», прижав к широкой, мускулистой груди громадный меч... Боже, ну и красавцы! Один подскочил к дверям и распахнул их для меня (вот чего мне недостает в современной Америке; мужчины не считают нужным распахивать двери перед дамами). К сожалению, мне не удалось уделить красавцам достаточно внимания, хотя они его, безусловно, заслуживали. Аланна почти толкнула меня в огромное помещение.

Высокие потолки, резные колонны (клянусь, я снова разглядела черепа!) и изысканные фрески, на которых изображались резвые нимфы и... не может быть... я сама, также полуодетая, верхом на великолепной белой лошади. Очевидно, я-то и возглавляла веселье. Интересно, здесь когда-нибудь бывает холодно? Посреди комнаты, на резном помосте, стоял чудесный позолоченный трон. На ступеньках, ведущих к трону, сидели еще две нимфетки – как я поняла, они здесь вроде обязательного антуража. Увидев меня, нимфетки проворно вскочили и склонили хорошенькие головки.

По-моему, меня следовало удостоить награды какой-нибудь греко-римской киноакадемии в номинации «За самое чувственное восхождение на трон».

Не представляете, как приятно было, наконец, сесть!

Перед самым началом прямого эфира Аланна, расположившаяся справа от меня, вскочила и объявила:

– Передайте шаману Кланфинтану, что госпожа Рианнон ждет его!

Одна нимфетка проворно улизнула в другие столь же громадные сводчатые двери. Я невольно задумалась: неужели здесь все двери охраняют такие же красавцы? На короткий миг я

встретилась взглядом с Аланной; она едва заметно улыбнулась мне в знак поощрения. Я быстро подмигнула, но тут двери снова распахнулись, и вернулась нимфетка, окруженная облаком полупрозрачной материи, которая изображала одежду.

– Он идет, госпожа! – Личико у нимфетки покраснелось; она запыхалась. Судя по ее реакции, мой нареченный – вряд ли лысое страшилище. Нимфа проворно отступила вниз. А может, они здесь все постоянно на взводе из-за полупрозрачных одеяний?

Все выжидательно смотрели на сводчатые двери. Я услышала приближающийся отчетливый звук... Что-то знакомое... Цокот копыт! Кони? Что это? Мой нареченный скачет ко мне в тронный зал верхом на коне? Ну да, я понимаю, Эпона – вроде как богиня – покровительница лошадей, и все же придется мне, наверное, серьезно поговорить с женихом, разъяснить ему правила дворцового этикета. Причем срочно. Как выразилась бы моя бабушка, его наверняка трудно назвать благовоспитанным.

Цокот копыт стал довольно громким. Похоже, он там не один. Неотесанный деревенщина! Да, вот в чем дело. Должно быть, он – зеркальное отражение какого-нибудь оклахомского простачка. Заранее предвкушаю, как он будет звать меня своей «милашкой» и с размаху шлепать по заднице.

Я увидела, как часовые (да, они оказались сложены вполне пропорционально) отдали честь, кони проскакали в двери и проследовали в...

Я едва не подавилась. Совсем как в кино! Грудь сдавило; я разинула рот от нехватки воздуха. Пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не закашляться. Сердце ухнуло куда-то вниз.

Они входили в зал по двое. Я быстро посчитала их, удивляясь, что до сих пор сохраняю способность считать. Всего их оказалось десять.

– Кентавры!

Голос, и так напряженный оттого, что приходилось все время шептать, произнес это слово едва слышно, но, судя по выражению лица Аланны, она меня услышала. Поэтому я захлопнула изумленно разинутый рот и заткнулась. Нет, Тототшка, мы с тобой определенно не в Канзасе! Два первых кентавра подскакали к возвышению, а еще восемь рассредоточились по залу. Как только предводители приблизились, один из них чуть отстал, а второй подошел к трону и изящно взмахнул рукой:

– Рад нашей встрече, госпожа Рианнон! – Голос у него оказался на удивление низким и бархатным, как черный шоколад, а выговор – таким же напевным, как у Аланны.

Ясно по крайней мере одно: он – не мой бывший муж.

Не дав мне ответить, Аланна присела в реверансе и обратилась к нему:

– Лорд Кланфинтан, моя госпожа Рианнон сожалеет о том, что временно утратила способность пользоваться голосом.

Услышав ее слова, он прищурился, но перебивать ее не стал.

– Госпожа Рианнон поручила мне приветствовать тебя и передать, что она готова сойтись с тобой браком.

– Весьма, весьма... – пауза, – неподходящее время для того, чтобы ты потеряла голос, госпожа.

Мне послышалось или в его голосе и правда прозвучали ехидные нотки? Да, наверное, не меня одну принуждают к... руковручению государственных интересов!

– Да, господин, госпожа Рианнон весьма огорчена, – ответила Аланна, несколько не смутившись.

– Как это случилось? – На Аланну он даже не посмотрел; он не сводил взгляда с меня, как будто на самом деле слова, произносимые ею, слетали с моих губ.

Я решила, что для меня же самой спокойнее будет смотреть ему в глаза; если я начну глазеть на него, у меня, того и гляди, снова отвалится челюсть.

– Во время Лунного ритуала ей стало нехорошо, но преданность Эпоне не позволила моей госпоже уйти. После того как церемония была завершена, она несколько дней пролежала в постели и только сегодня встала. Она выздоравливает, но голос, увы, пока не вернулся к ней. – Она говорила ласково и примирительно. – Не волнуйся, господин мой, болезнь у нее временная. Она быстро исцелится после того, как достаточно отдохнет.

– Сочувствую твоему положению, госпожа Рианнон. – Судя по голосу, он несколько мне не сочувствовал. Он был зол как черт! – И все же, полагаю, твоя... прискорбная болезнь не станет помехой нашей сегодняшней сделке.

«Сделке»?! Что за странное определение брачного союза, пусть и временного? Кстати, и интонация говорящего коня мне тоже очень не понравилась. Я понятия не имела, как следовало поступить чертовой Рианнон, зато прекрасно знала, как следовало поступить Шеннон Паркер. Пока Аланна набирала в грудь воздух, собираясь ответить за меня, я нагнулась и утешительно похлопала ее по руке. Наши с кентавром взгляды скрестились. Я вызывающе медленно, с самым что ни на есть стервозным выражением лица вскинула вверх подбородок и качнула головой из стороны в сторону. Один раз.

– Хорошо. Я рад. Твой отец шлет нам свое благословение и сожалеет, что его задержали дела и он не сможет присутствовать на церемонии.

Вот ханжа!

– Ты спустишься ко мне или мне взойти на твой... – еще одна долгая пауза, – пьедестал, госпожа?

Я угрожающе выпятила подбородок, но Аланна вмешалась, не дав мне ответить. Она вежливо взяла меня за руку и помогла встать.

– Госпожа Рианнон поступит согласно обычаю!

Мы с Аланной спустились по ступенькам на пол. Кланфинтан отступил на шаг и посторонился, но на самом деле очутился очень близко ко мне. И еще он оказался очень высоким. Он как будто нависал надо мной. Я уловила его запах – немного лошадиный, но вовсе не неприятный. От него пахло свежим сеном и разогретым мужчиной. Нагнувшись, он взял меня за правую руку. Я дернулась, и Аланна, не дав мне испуганно взвизгнуть, сказала:

– Моя госпожа готова к церемонии руковождения.

Как же... готова... еще чего!

Его рука оказалась тяжелой и теплой, почти горячей. Я опустила голову, чтобы лучше рассмотреть ее, и увидела, что моя ладонь полностью утонула в ней. Кожа у него на руке, как, впрочем, и на всей верхней, человеческой части, оказалась темно-бронзовой. Услышав его голос, я вскинула голову и посмотрела ему в глаза.

– Я, Кланфинтан, сегодня беру тебя, Рианнон Маккаллан, во временные супруги. Обещаю защищать тебя от огня, даже если солнце упадет на землю, от воды, даже если море взъярится, и от земли, даже если она содрогнется. Обязуюсь почитать твое имя, как свое собственное.

Я не услышала в его голосе никакого ехидства. Низкий, он завораживал, гипнотизировал, как будто он рисовал словами в воздухе статьи нашего фантастического договора.

Потом Аланна тихо заговорила вместо меня:

– Я, Рианнон Маккаллан, Верховная жрица Партолона и Любимица Эпоны, сегодня беру тебя, Кланфинтан, во временные мужья. Обещаю, что никакой огонь и никакое пламя не разлучат нас, никакие озера и моря не поглотят нас и никакие земные горы не разделят нас. Обязуюсь почитать твое имя, как свое собственное.

– Ты согласна, госпожа Рианнон?

С этими словами он крепче сжал мне руку; я невольно поморщилась от боли.

– Господин, она не может повторить обет, – встревоженно ответила Аланна.

– Пусть не обет, пусть скажет хоть слово – согласна она или нет. – Он еще сильнее сжал мою руку. – Согласна ли ты, госпожа Рианнон, подчиниться этому обету?

– Да... – Я нарочно постаралась произнести единственное слово как можно более хрипло.

Он и глазом не моргнул. Зато наконец перестал сдавливать мне руку и повернул ее ладонью вверх.

– Значит, все решено. В течение одного года мы с тобой принадлежим друг другу.

Не сводя с меня взгляда, он поднес мою ладонь к губам и быстро прикусил подушечку между большим и указательным пальцами. Его укус не был мне неприятен; он просто застал меня врасплох. Должно быть, когда я выдернула руку после такой ласки, глаза у меня сделались огромными, как блюдца.

Я замужем за конем, чтоб его черти взяли!

И еще он кусается.

Ну да, я из Оклахомы. Я люблю больших коней, и я поклонница Джона Уэйна, поэтому я люблю крупных мужчин, но то, что происходит, нелепо... нет, не просто нелепо.

И... ну да, черт его побери, он кусается!

Глава 3

– Господин, позволь проводить тебя и твоих воинов в парадный зал. Там вы примете участие в пире, который мы устроили в честь вашего руковручения. – Алания улыбнулась и изящно зашагала вперед из тронного зала.

Кланфинтан слегка склонил голову и предложил мне свою руку. Я робко оперлась о него, и мы последовали за Аланной. Я слышала, как сзади нас шагают его... кто? Люди? Кони?

– Понимаю, насколько неприятно для тебя то, что произошло, но рад видеть, что тебе наконец удалось на время отставить в сторону собственные желания и подчиниться долгу.

Он не смотрел на меня и говорил тихо; его слова предназначались лишь для моих ушей. Покосившись на него, я отметила, что его лицо – непроницаемая маска.

Во что же я, черт меня побери, вляпалась?

– Поскольку мы с тобой поклялись чтить друг друга в течение следующего года, я прощаю тебе унижение моего достоинства, какое ты выказала, отказавшись встретиться со мной во время нашей помолвки, то, что ты возвращала мои подарки и вынудила меня прийти сюда, чтобы завершить сделку, – вымученным голосом продолжал он – по-прежнему тихо.

Я медленно закипала. Мне все равно, кентавр он или нет; издеваться над собой я не позволю!

– А я прощаю тебе выказанное с твоей стороны неуважение, когда ты позволил себе осуждать меня в храме моей богини в день нашего руковручения. – Что, съел?

Чтобы расслышать мой шепот, ему пришлось низко наклонить голову. На его лице отразилось изумление, и он резко остановился.

– Ты права, госпожа Рианнон. Выказав пренебрежение к тебе, я тем самым выказал неуважение к нашим обетам и к себе самому. Прости мне мою грубость! – Он не сводил с меня черных глаз.

Пришлось долго откашливаться, чтобы мое обожженное горло сумело прохрипеть:

– Я тебя прощаю.

Он по-прежнему был мрачнее тучи, но мне показалось, что теперь он злится больше на себя, чем на меня. А мой ответ его, видимо, удовлетворил. В общем, он снова зашагал за Аланной, волоча меня на буксире. Аланна как раз приблизилась еще к одному сводчатому входу (да-да, его тоже охраняли два мускулистых качка – Рианнон наверняка обожает сильных мужчин), и мы очутились в огромном банкетном зале. Довольно странном зале, надо сказать!

Я готова была поверить в то, что вижу сон, но этот сон оказался на редкость странным – даже для меня. По всему залу стояли широкие ложа вроде скамей со спинкой и чем-то вроде откидных подлокотников; они напоминали старомодные шезлонги. Рядом со спинками стояли приземистые мраморные колонны с плоскими верхушками. На колоннах красовались золотые кубки. Между шезлонгами сновали толпы юных нимфоподобных красавиц; они наполняли кубки вкусным с виду красным вином. Я поспешно слотнула.

Сон-то, выходит, отличный, пусть и странный!

Аланна жестом показала нам на два таких ложа, стоящие друг напротив друга посередине зала. Между ними стояла одна колонна. Остальные ложа стояли овалом вокруг наших.

– Желаеть отужинать, госпожа?

Видимо, выбора у меня не было. Вдруг я почувствовала, что умираю с голоду, кивнула и подошла к обманчиво удобному с виду орудию пыток. Точнее, взошла на него. Здесь пахивало Древним Римом. Ну да. Все эти римляне, их «Кто управляет Римом, тот управляет всем миром» и прочее и прочее возлежали во время трапезы, обжирались, а потом блевали. Даже нормальных обеденных столов не могли придумать... Эх, посерьезнее бы надо!

Что ж, по крайней мере, на таком ложе я буду казаться стройнее...

Едва мой зад коснулся ложа, все жутко разволновались, как будто я только что у всех на виду встала с горшка, а к моей тапке прилип клочок туалетной бумаги. Хотя бы Аланна объяснила толком, что не так! Я грациозно приподнялась и дернула ее за рукав, развернув к себе лицом – так удобнее шептать на ухо.

– Что я сделала неправильно?

Она улыбнулась и присела в реверансе, как будто я сказала именно то, что надо, – а я ведь точно знала, что опять облажалась.

– Госпожа Рианнон просит простить ее за отсутствие голоса. Она в ужасе оттого, что не может благословить трапезу на ее собственном рукоучении, но голос ее серьезно пострадал, и она не в силах говорить. – Улыбнувшись, она помогла мне снова возлечь на ложе.

– Разве не может она прошептать тебе на ухо слова благословения, а ты повторишь их вслух, как делала раньше?

В голосе моего свежеиспеченного мужа слышался неприкрытый вызов.

Мало того что я вышла замуж за говорящего коня, как в сериале «Мистер Эд», так он еще и зануда редкостная... К тому же кусается! Может, он решил, что имеет дело с какой-нибудь тупоумной и злобной жрицей-ханжой? Так вот, пусть знает: он ошибается! Мои губы медленно расплылись в улыбке.

Я снова жестом показала Аланне, что мне требуется ее помощь, и прошептала ей на ухо:

– Повторяй за мной!

– Госпожа! – Она засуетилась и, похоже, испугалась. Она, очевидно, не понимала, что имеет дело с учительницей старших классов; нам ежедневно, чтобы не сказать – ежечасно, приходится справляться со всевозможными выходками (зависит от того, кого временно отстранили или не отстранили от посещения уроков). При этом мы ухитряемся искоренять невежество и даже прикоснуться к будущему посреди полного хаоса. А сейчас – подумаешь! Пустяк! Импровизация для меня – дело привычное; более того, я нахожу ее забавной.

– Доверься мне. – Я быстро подмигнула, и она кивнула, хотя и нехотя.

– Ты совершенно верно напомнил мне о моих обязанностях, лорд Кланфинтан. – Аланна снова присела. – Прости меня. Я буду повторять за госпожой слова благословения по этому радостному поводу.

Снова пора на сцену! Так и знала, что прослушанный курс европейской литературы – несколько семестров – когда-нибудь мне пригодится в жизни. Правда, я втайне надеялась, что меня пригласят на «Свою игру» для эрудитов. Сильно наклонившись вперед и продемонстрировав всем присутствующим свой красивый вырез, я стала шептать Аланне строчки старинной ирландской молитвы, которую мне удалось запомнить из какого-то совершенно бесполезного спецкурса. Кажется, я все запомнила правильно.

– Пусть у вас...

– Пусть у вас... – эхом отозвался сладкий голос Аланны.

Я благосклонно улыбнулась сосредоточенным слушателям, радуясь их почтительному молчанию, и продолжала произносить слова старинного благословения:

– Всегда будут стены, чтобы защититься от ветра...

– Всегда будут стены, чтобы защититься от ветра...

– И крыша, чтобы укрыться от дождя...

– И крыша, чтобы укрыться от дождя...

– И чашка чаю у камина... (На миг я испугалась: а вдруг здесь не знают, что такое чай?)

– И чашка чаю у камина... (Все заулыбались; наверное, все-таки чай они пьют).

– И веселый смех...

– И веселый смех...

Пора нанести завершающий удар. Обернувшись к моему новоиспеченному временному мужу, я посмотрела на него в упор, прошептала последнюю строчку и получила огромное удо-

вольствие, наблюдая за тем, как изумленно распахиваются его глаза, пока Аланна повторяла за мной:

– Пусть те, кого вы любите, всегда будут рядом, и все, чего желает ваше сердце, пусть исполнится!

После того как она звонко повторила сказанные мной слова, кентавры разразились одобрительными криками. Клянусь, я заметила, как вытянулось лицо у Кланфинтана и как пропала его ехидная улыбочка. Шах и мат!

Как-то мой любимый университетский преподаватель глубокомысленно заметил:

– Ни в коем случае нельзя трахаться с филологинями. Головы у них напичканы всякой бесполезной дрянью. Они то и дело вспоминают что-то, и их познания бьют вас по самому большому месту!

Еще одним доказательством моей победы послужило сияющее лицо Аланны. Мои ноздри уловили вкусные ароматы, идущие от подносов с едой, которые вносили в зал... как бы их обозвать? Прислужницы потолка. Видимо, нимфы не в состоянии одновременно носить свои прозрачные одеяния и подносы с едой. У меня закружилась голова. Интересно, сколько в самом деле прошло времени с тех пор, как я ела в последний раз?

– Прошу тебя, госпожа, сядь. – Аланна снова спасла меня, вовремя вмешавшись.

Табун дружков моего временного мужа последовал нашему примеру, и обслуга принялась обносить нас красивыми блюдами. Тут мой, предположительно обожаемый, супруг, почтительно кивнув мне, отошел в сторонку и принялся о чем-то шептаться с каким-то типом – то ли другом, то ли слугой... все равно. Попивая очередное превосходное красное вино, на сей раз больше похожее не на каберне, а на насыщенное, мягкое мерло, я воспользовалась тем, что внимание моего нареченного было обращено не на меня, и принялась исподтишка изучать его.

Если бы мне предложили сыграть в игру и описать его одним словом, я бы выбрала слово «сила». Он был огромный и мускулистый – очень мускулистый, что никоим образом не испортило впечатления. Я ведь тоже не какая-нибудь анорексичка.

Я вовсе не призываю штрафовать всех тощих мозгляков поголовно и стараюсь не истекать слюной при виде мускулистых качков типа Шварценеггера (ключевое слово – «стараюсь»). Мой молодой муж по-прежнему был всецело поглощен разговором, и я продолжала рассматривать его. Да, мне удалось удержать челюсть на месте и даже не пронести вино мимо рта. Я залюбовалась его густой черной гривой (или все-таки волосами?). Он связал их в конский хвост (извините за каламбур) кожаным ремешком (едва ли не шире той полосочки, которая изображала мои трусики). Лицо у него подчеркнуто мужественное – высокие скулы, прямой, хорошо вылепленный нос и выраженная ямочка на подбородке (он напомнил мне блаженной памяти Кэри Гранта). Шея крепкая, мощная, однако ничто не указывало на то, что он сидит на стероидах. Шея переходила в широкие плечи и – да, не скрою – в совершенно восхитительную грудь, поросшую курчавыми черными волосами – ровно настолько, насколько надо. Благодаря темно-бронзовой коже он казался позолоченной статуей. Черный кожаный жилет был распахнут и подчеркивал красоту его великолепной грудной клетки (в колледже я выбрала факультатив по анатомии и физиологии, так что нужные термины знаю). Далее я отметила свою любимую деталь: отлично накачанный брюшной пресс. Не обошла вниманием и гладкую, аппетитную талию. Короче говоря, в своей человеческой половине, которая заканчивалась ниже брюшного пресса, примерно там, где у обычного мужчины начинаются бедра, он выглядел чертовски привлекательным мужчиной в полном расцвете лет – на восемнадцать... нет, я шучу! Лет на тридцать с чем-то. Понятия не имею, какой возраст считается возрастом полного расцвета для коней.

Лошадиная шкура у него была гнедая, причем постепенно темнела сверху вниз. Если круп был почти светлым – как спелые желуди или кожаные переплеты старинных книг, – то внизу, у копыт, его ноги оказались почти черными, как волосы на голове. Поглощенный раз-

говором, он пересел по-другому. Его шкура лоснилась в свете многочисленных свечей. Пусть он и брюзга, по крайней мере, он не махнул на свою внешность рукой. Как я уже сказала, он был крупный; примерно пятнадцать – шестнадцать ладоней³ в холке. Он больше напоминал не чистокровку, а скакуна на короткие дистанции – мускулистого, великолепно сложенного для мощных рывков вперед.

Разглядывая его, я вдруг поняла, что его смешанная природа – получеловек-полуконь – не вызывает во мне ни отвращения, ни ужаса. И для того, чтобы понять, почему его внешность вызывает у меня одобрение, не пришлось расходовать особенно много серых клеточек. Я ведь заядлая лошадица. Для девочки, выросшей в Оклахоме, любовь к лошадям – норма. Пока я не уехала из родительского дома в колледж, у меня была своя лошадь. Более того, мой папа любил шутить, что верхом я научилась ездить раньше, чем ходить. Кстати, интересно, является ли умение ездить верхом необходимым условием для такого рода брака, как наш? Что не повредит – это точно. И, откровенно говоря, если бы Кланфинтан не был таким хмурым, я бы сказала, что он очень привлекателен, и вполне могла бы потерять от него голову, как бы странно это ни звучало.

Наконец два кентавра закончили беседу. Друг отсалютовал, повернулся ко мне, быстро склонил голову и отошел к двери. Кланфинтан возлег на соседнее ложе. Для такого крупного парня... или коня... в общем, не знаю... двигался он на редкость грациозно.

Сухо и высокопарно он произнес:

– Прошу, прости за задержку; мне необходимо было обсудить с помощником вопросы огромной важности.

Судя по интонации, что-то и впрямь кусало его под хвостом.

– Ничего страшного. Выпей со мной бокал этого прекрасного вина, – прошептала я. Не обращая внимания на свое бедное горло, я улыбнулась ему широчайшей улыбкой, демонстрируя, что на самом деле я своя в доску.

– Благодарю.

Может, выпив, он расслабится и начнет вести себя по-человечески... не знаю, как тут лучше выразиться.

Двери напротив нас распахнулись, и в зал толпой хлынули слуги с блюдами, нагруженными пищей. Слуги напомнили мне спешащих куда-то крабов. В воздухе снова поплыли вкусные ароматы, и вдруг в животе у меня заурчало так громко, что Кланфинтан (клянусь, я заметила!) с трудом удержался от улыбки. Я бы прошептала ему, что «чутьочку» проголодалась, но не думаю, что мой шепот смог бы перекрыть благородное урчание в моем животе.

Несколько красавцев слуг (жаль, что я назвала их крабами) начали обносить блюдами сначала меня, а затем Кланфинтана. Мне не терпелось попробовать восхитительно пахнущую рыбу в нежном соусе, нежную, тающую во рту пулярку (ну, или курицу), щедро присыпанную какой-то приправой, похожей на смесь черного перца с лимонной цедрой, и зернышками, обладающими отчетливым чесночным запахом. На гарнир предлагались гороховые стручки, целые грибы и мелкие луковки. Люблю вкусно поесть; я велела положить себе всего – и вина подлить. Да, я понимала, что с вином, пожалуй, перебираю, но мне необходимо было выпить в лечебных целях. В конце концов, я совсем недавно чуть не умерла!

За едой я успокоилась. Вряд ли я в аду – уж слишком здесь вкусно кормят. Набивая рот, я то и дело поглядывала на своего соседа и с интересом отметила, что он тоже ест с аппетитом, причем не только злаки и овощи. Похоже, кентавры всеядны. Осторожно, он любит мясо... и кусается!

Наверное, он заметил мои томные взгляды, потому что губы у него скривились в ехидной улыбке.

³ *Ладонь* – мера длины, равная 4 дюймам или 10 сантиметрам (применяется для измерения роста лошадей и пр.).

– Хороший аппетит – признак того, что к тебе возвращается здоровье, – негромко заметил он.

– Спасибо, доктор Кланфинтан!

Судя по тому, как он вытаращил глаза в ответ на мое сделанное шепотом замечание, можно было подумать, что у меня из носа хлынули струйки молока. Он так посмотрел на меня, что я забеспокоилась: вдруг у меня между зубами застрял кусок мяса или из носа торчит огромная козявка?

– Тебе известно, что я не врач, который лечит тело. Верховный шаман исцеляет душу!

Прежде чем ответить, пришлось проглотить кусок курицы.

– Я шучу! – шепотом заверила я.

– М-да... Понятно. – Он прищурился и, прежде чем вернуться к еде, фыркнул – очень по-лошадиному.

Я все больше и больше убеждалась в том, что у Рианнон полностью отсутствовало чувство юмора.

– Госпожа, господин и почетные гости! В знак того, что музы одобряют ваше руковождение, сейчас перед вами выступит земное воплощение Терпсихоры, музы Танца!

Все кентавры наострили уши (фигурально выражаясь). Аланна дважды хлопнула в ладоши, и в дальнем углу зала заиграла музыка. Я раньше не замечала, что там сидят три женщины с музыкальными инструментами. Нежные звуки арфы, флейты и своеобразных барабанов, отбивающих ритм, завораживали. Из сводчатой двери рядом с музыкантами выплыла танцовщица. Она двигалась с грацией балерины, опустив голову и красиво скруглив руки, пока не очутилась в центре зала – разумеется, прямо перед моим ложем. Очевидно, положение Верховной жрицы обязывало меня занимать самое лучшее место в доме. Танцовщица плавно присела в глубоком реверансе, по-прежнему не поднимая головы. Музыка на время смолкла, но вскоре заиграла снова. Когда танцовщица вскинула голову, я ахнула и чуть не подавилась (пришлось выпить большой глоток вина).

К счастью, все смотрели на нее, а не на меня, так что у меня было время вытереть нос и вернуть самообладание.

Твою мать! Танцовщицей оказалась не кто иная, как Мишель, моя подруга, с которой мы вот уже десять лет работаем в школе! Нате вам – она, оказывается, земное воплощение музыки Танца – охренеть можно! Мы с Мишель любим подшучивать насчет двух из трех ее основных склонностей в жизни. Первой ее страстью является танец, второй – наука (она в самом деле обожает рептилий, и это внушает мне серьезные поводы для беспокойства, главным образом потому, что наши классы расположены рядом и два-три раза за учебный год какая-нибудь змея сбегает из клетки и «теряется»). В общем, Мишель решила совместить два своих пристрастия; она поступила в Северо-Западный Оклахомский университет на химический факультет; ей дали стипендию как талантливой танцовщице. В нашей школе она сочетает два своих пристрастия, так как преподает химию для продвинутого уровня и ставит все школьные мюзиклы. Странная девушка!

Глядя, как она томно движется в такт чувственной мелодии, я выпила еще вина и благосклонно улыбнулась маленькой служанке, которая пулей бросилась ко мне с кувшином. Сомнений не оставалось – передо мной Мишель или, скорее, ее зеркальное отражение – как, несомненно, объяснила бы Аланна. Те же густые черные волосы; правда, как и у Аланны, современная шикарная стрижка до плеч сменилась длинными, до пояса, прядями, которые красиво блестели и переливались, когда она поворачивалась. Ее стройную, миниатюрную фигурку прикрывали совершенно прозрачные, тускло поблескивающие кусочки газа. Во время танца то один, то другой кусочек соблазнительно задирался, обнажая то одну, то другую часть тела. Фигура у Мишель потрясающе гибкая и стройная, хотя она ест все подряд – в десять раз больше, чем весит. Она – единственная из моих знакомых, кто способен каждый день заглатыв-

вать целиком обед из школьной столовой, перенасыщенный жирами и углеводами. Такой обед подходит для мужчин, которые занимаются тяжелым физическим трудом. А Мишель съедает полную порцию и совершенно не толстеет. Вот зараза!

Музыка заиграла быстрее, и Мишель, она же Терпсихора, поплыла между ложами. Кентавры глазели на нее разинув рот – даже жевать перестали. Танцевала она и правда великолепно. В ее танце сплелись эротика и грация... Представьте себе «Лебединое озеро» в постановке Боба Фосса⁴. Ритмично двигая своими стройными бедрами, паршивка бесстыдно ласкала себя; мужчины не могли оторвать от нее глаз.

Кстати... Третьей страстью в жизни Мишель являются мужчины. Она обожает мужчин. Высоких, низких, волосатых, лысых, мускулистых, тощих... и так далее и тому подобное. Она любит их всех, лишь бы определенная часть их тела была достаточно большой (нет, я не имею в виду кошелек). Да, она в самом деле без ума от больших возбужденных членов... Они для нее – все равно что произведения искусства. И все же шлюхой в полном смысле этого слова ее не назовешь. Скорее, мужчины – ее хобби, и она... в общем, скучать ей не приходится.

Танцовщица, все больше распаясь и распаяя зрителей, вернулась в центр зала. Да, ничего не скажешь – она очень сексуальна... Покосившись на своего говорящего коня, я поняла, что он полностью разделяет мое мнение; он не сводил с Мишель восхищенных глаз. Она же, глядя на него в упор и ритмично покачивая бедрами, подплывала к нему все ближе. Хорошо, что я не влюблена в него, иначе не знаю, что бы я с ней сделала! Я следила за тем, как она его околдовывает, и думала: должно быть, именно так Саломея уговорила Ирода отрубить голову Иоанну Крестителю. С завершающим аккордом она рухнула перед нами на пол, а зрители разразились громогласными криками. Она изящно встала и поклонилась. Я улыбалась и ждала, когда она посмотрит на меня. Но улыбка застыла у меня на лице, когда танцовщица наконец подняла на меня глаза. Меня поразила ее откровенная враждебность, которую она попыталась замаскировать вежливой холодностью.

– Благословение тебе и твоему руководению, Любимица Эпоны! – Ее голос тоже был странным зеркальным отражением голоса Мишель. Говорила она как Мишель, только слова роняла как-то тяжело, ровно; я не услышала тепла, знакомого мне по другому миру. – Надеюсь, этот брачный союз принесет тебе счастье, которое ты всемерно заслуживаешь. – Обласкав взглядом моего нареченного, с которым она желала мне счастья, танцовщица развернулась и выплыла из зала.

Выпорите меня, обзовите меня дрянной девчонкой, но мне показалось, что меня только что серьезно оскорбили! Я все больше и больше задумывалась над тем, что же натворила Рианнон. Что-то подсказывало мне, что ее вряд ли считали славной, милой девушкой. Я покосилась на Кланфинтана и увидела, что он по-прежнему смотрит, точнее, пялится вслед уходящей Мишель.

– Она хорошо танцует, правда? – Заметив виноватое выражение на его лице, я многозначительно улыбнулась, глядя ему прямо в глаза.

– Да, госпожа моя, она прекрасно олицетворяет саму Терпсихору. – В его голосе слышалась явственная хрипотца... Еще чуть-чуть – и замурлычет от удовольствия. У нас в Оклахоме в таких случаях говорят: «Поди остудись, малый!»

Вместо того чтобы отвести взгляд от этих глаз, по-прежнему подернутых мечтательной поволокой, вместо того чтобы испытать раздражение от его хрипловатого довольного мурлыканья, я неожиданно для себя почувствовала любопытство. Наклонившись к нему – якобы для того, чтобы он лучше расслышал мой шепот, – я решительно вторглась в его личное пространство.

⁴ Боб Фосс (1927–1987) – американский режиссер, хореограф, сценарист и актер, поставивший фильмы «Кабаре», «Весь этот джаз» и др.

– Своим танцем она благословила наш союз. – О, какой он был теплый! Я даже не прикоснулась к нему, но почувствовала, что его тело излучает жар. Почему-то мне захотелось хихикнуть.

Укоризненно нахмурившись, он тоже склонился ко мне, и я в самом деле хихикнула. Внимание! Запомнить на будущее верный признак: если хочется хихикать, с вином пора завязывать! Ну, не совсем завязывать, а так... ограничить себя.

– Танец на рукоуврчении – больше чем просто благословение!

Он замолчал; я недоуменно хмыкнула, призывая его продолжать.

– Обычно его называют побудительным. – На последних словах его бархатный голос стал тихим, почти как мой шепот. – О чем ты, не сомневаюсь, прекрасно осведомлена – ведь ты и сама земное воплощение богини.

Блин, вот влипла!

С трудом оторвавшись от его жаркого взгляда, я принялась рассматривать его тело. Он так же беззастенчиво оглядывал меня.

Как же я забыла, что он – ну да... конь?

Мое тело перестало подчиняться приказам мозга. Как будто действуя само по себе, оно напряглось и дернулось, решительно выходя из его личного пространства. От резкого движения у меня закружилась голова, перед глазами все поплыло, к горлу подступил ком. Желтый, предупредительный, сигнал светофора сменился красным.

– М-м-м... – Я попыталась поставить кубок с вином, но промахнулась, и на столешнице образовалась красная лужица. Звякнул упавший кубок. Все посмотрели на меня.

– Госпожа, тебе нехорошо? – Боже, благослови всегда серьезную, озабоченную Аланну!

– П-перебрала...

Зачем Аланна все время раздваивается, а то и расчетверяется? Поморгав глазами и прищурившись, я с трудом сосредоточилась на ней. Потом потеряла лоб и покосилась на Кланфинтана. Он пристально наблюдал за мной.

– Ты переутомилась, госпожа Рианнон.

Его попытка проявить заботу больше смахивала на вызов.

Для недавней больной сегодняшней день, пожалуй, выдался напряженным.

«Напряженным»? Да уж, вот настоящее преуменьшение!

– Возможно, нам пришла пора оставить гостей и лечь спать. – Он в самом деле ухмыльнулся или мне показалось?

– О-ох! – Мне удалось выдавить из себя нечто среднее между всхлипом и вздохом. Лечь спать – то есть лечь с ним в постель? В библейском смысле? Черт, где все это время была моя голова? До меня вдруг дошло, что я не подумала обо всех последствиях своего рукоуврчения. Да, мы с Аланной обсуждали вопрос о первой брачной ночи; она меня успокоила. Но я же тогда не знала, что мой нареченный – конь! Меня беспокоил секс с незнакомцем, а не скотоложство! Внутри у меня все сжалось. Только бы не вырвало всей этой вкуснятиной прямо на ложе! – О-ох! – Кстати, почему я, черт меня побери, вовремя не подумала о сексуальной стороне дела? В прошлый раз на свадьбе, когда я выходила за своего бывшего мужа, который оказался полным идиотом и которого мне нравится именовать «предварительным», я мечтала только об одном – как бы поскорее прыгнуть с ним в постель. И ведь я не была невинной девственницей и прекрасно знала, что происходит в первую брачную ночь! – О-ох... – Наверное, пребывание на грани смерти и переход в иной мир серьезно затрудняют нормальный мыслительный процесс. Не говоря уже о том, что с вином я явно перебрала... пусть даже и в лечебных целях.

Что ж, еще не поздно подумать обо всем сейчас.

Мне предстоит вступить в брачные отношения...

С конем.

Который кусается.

Глава 4

– По-моему, меня сейчас стошнит.

– Госпожа, проводить тебя в опочивальню? Хорошо хоть Аланна тревожится неподдельно. Ее мягкие, нежные руки отбросили волосы с моего влажного лба, на котором, похоже, выступили капли пота.

– Да, пожалуй. – Я встала и снова почувствовала тошноту.

Вокруг все закружилось... завертелось... ох, как же мне плохо! Я зажмурилась.

– Стой! – За секунду до того, как мой зад должен был плюхнуться на чудесный мраморный пол, меня вдруг подхватили сильные руки, и я ощутила приятное тепло. – Позволь мне, госпожа Рианнон.

Черт побери, конь только что меня поднял! Приоткрыв один глаз, я увидела его лицо вблизи. Правда, он, не обращая на меня никакого внимания, кивнул Аланне. Та просияла в ответ и зашагала той дорогой, какой мы с ней сюда пришли. Глядя ей в спину, я снова удивилась тому, какой Кланфинтан большой – и насколько я, должно быть, высоко над землей, и...

– Ой... – Наверное, зря я открыла глаза.

– Тебе сразу станет лучше после сна. – Когда он говорил, его широкая грудь вибрировала. С закрытыми глазами мне легко было представить его огромным теплым вибратором; я глупо хихикнула:

– Даже не представляла, что я так много выпила!

Он шумно откашлялся; вибрация усилилась.

– Да уж.

– Когда ты говоришь, ты вибрируешь.

– Что?

– Ничего. Обожаю вибраторы. – Я поняла, что болтаю, как пьяная; впрочем, так и должно быть, я ведь и в самом деле напилась. Голова почему-то стала очень тяжелой, как будто волосы очень много весили. Вздохнув, я с размаху положила голову на плечо Кланфинтану – он же мистер Эд, говорящий конь. М-да, здорово я набралась! – От тебя хорошо пахнет. – Да, я отдавала себе отчет в том, что выбалтываю вслух все, что у меня на уме. И... да, я понимала, что утром меня ждет тяжкое похмелье и головная боль. И все же... я ничего не смогла с собой поделать и хихикнула.

– Должно быть, ты слишком много выпила.

– Ничего подобного!

Он фыркнул; его грудь заходила ходуном, и я снова хихикнула. Потом я заметила, что фыркать он перестал, а вибрация не прекратилась, и широко открыла глаза.

Он смеялся. Надо мной, но все же смеялся! Смех у него оказался приятным; его лицо вдруг из красивого, но холодного превратилось в красивое и славное.

На меня саму от смеха напала икота, и он не выдержал.

Аланна остановилась перед дверью – я смутно помнила, что за ней находятся покои Рианнон; она смотрела на нас и, как я заметила, сама еле сдерживалась от смеха. Она увидела, что я смотрю на нее, пьяно хихикая и икая попеременно, и, густо покраснев, поспешно распахнула дверь и пропустила нас вперед. Да, у Рианнон явно проблемы с чувством юмора!

– Черт – ик! Оказывается, у меня в самом деле огромная – ик! – кровать!

Уложив меня на «в самом деле огромную» кровать, Кланфинтан, не переставая улыбаться, посмотрел на меня сверху вниз.

– Спасибо... ик! за то, что прокатил! – Разразившись пьяным смехом, я зарылась лицом в мягкую подушку. Я ведь и в самом деле приехала сюда на нем – вот умора!

– В прошлый раз ты держалась совсем по-другому. – Он по-прежнему улыбался, но в его бархатистом голосе послышались задумчивые нотки. Хотя я и была пьяная, я отчетливо их расслышала. Оглянувшись на Аланну, я заметила, что она вдруг смертельно побледнела.

Я делала отчаянные попытки протрезветь. Икота сразу прошла.

– Ну и что тут такого. Сейчас я... м-м-м... веду себя как обычно.

– С тобой не может быть ничего обычного, госпожа Рианнон.

На миг я пожалела о том, что он больше не улыбается. Потом я вспомнила о том, что он – конь и сегодня должна была быть наша первая брачная ночь; судя по испуганному лицу Аланны, в их мире творится много такого, о чем я и понятия не имею.

Я закрыла глаза и услышала собственный пьяный шепот:

– Да ладно... все равно! – Я громко всхрипнула.

Словно уловив сигнал, Аланна вмешалась:

– Господин, позволь проводить тебя в твою опочивальню!

Ответом ей послужило молчание, и мне захотелось открыть глаза, но я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Не размыкая век, я глубоко, со всхлипом, вздохнула и испустила еще один совсем неблагородный храп.

– Твоя опочивальня соседствует с опочивальней твоей супруги! – не сдавалась Аланна.

– Да. Я ухожу. – Его голос снова стал сухим и холодным. Выходя, он громко цокал копытами. Цокот заглушал напевную речь Аланны:

– Господин мой, помни, что моей госпоже недавно пришлось многое пережить.

Ее ласковый голос так напоминал голос Сюзанны, что меня вдруг охватил приступ ностальгии.

– Как и всем нам. – За ним громко захлопнулась дверь.

– Госпожа, он ушел!

Вместе с ним как будто ушли и головокружение, и опьянение. Запомнить на будущее: лучшее средство от похмелья – небольшая интрижка в параллельном мире.

Вернувшись, Аланна остановилась перед чашей с водой, стоящей на столике в изножье кровати, и дрожащими руками окунула в нее какую-то тряпочку.

– Он догадался, что я – не Рианнон!

По-прежнему дрожащими руками она обтерла влажной тряпкой мой потный лоб.

– Нет, госпожа, он лишь увидел, что ты другая, не такая, какую он ожидал увидеть.

– Расскажи мне про Рианнон.

Руки у Аланны перестали дрожать.

– Она моя госпожа и Верховная жрица, воплощение богини Эпоны.

– Все это я уже знаю. Расскажи, что она за человек.

– Она очень могущественна...

Вздох.

– Аланна, я не о том. Мне важно узнать, какой у нее характер. Ты говоришь, что она не похожа на меня. Вот я и хочу выяснить, какая она.

Молчание.

– Разве ты еще не присмотрелась ко мне? Ты наверняка поняла, что тебе не нужно бояться говорить мне правду!

– Мне нелегко, госпожа.

– Ладно, я тебе помогу. Объясни, почему она не нравится Кланфинтану.

– Она не хотела обручаться с ним, поэтому старалась всячески его избегать. Если же избежать встречи не удавалось, она обращалась с ним холодно. – Аланна снова отвела глаза в сторону.

– Почему тогда она не разорвала помолвку?

– Из чувства долга. Верховная жрица Эпоны всегда сочетается браком с Верховным шаманом кентавров. Если она хочет остаться Верховной жрицей, она обязана пробыть супругой Кланфинтана оговоренный срок – как правило, год. Правда, почти все Любимицы Эпоны и шаманы кентавров становились супругами на всю жизнь.

Мне показалось, что Аланне стало очень не по себе.

Да и было отчего!

– Я, конечно, не из вашего мира и многого у вас не понимаю, но мне трудно обвинять ее в том, что она не горит желанием заниматься сексом с конем!

Аланна изумленно уставилась на меня.

– Да ладно тебе! Меня саму колотит от страха!

Аланна хотела было что-то сказать, но я подняла руку, призывая ее молчать. Я все больше трезвела и останавливаться не собиралась.

– Кстати, почему ты меня не предупредила? Да, он симпатичный и вроде ничего, когда не злится, но... вы что тут все, офонарели? Как я... м-м-м... сумею с ним совокупиться – даже технически? Мы ведь по размерам не совпадаем!

– Госпожа, все не так, как ты думаешь. – Щеки у нее порозовели. – Он Верховный шаман! – Судя по всему, ее слова должны были прояснить все.

– Ну да... конь долбаный!

– Что такое «долбаный»?

– Выражение такое... чтобы не сквернословить. Я отучаюсь ругаться. Не важно! – Я вздохнула. – Значит, нам с ним не обязательно... так сказать, скреплять наше руковождение, не обязательно вступать в брачные отношения?

– Ну конечно! – ошеломленно ответила она.

– Что «конечно»? Конечно не надо или конечно надо? – У меня снова разболелась голова.

– Конечно надо.

– Тогда объясни, пожалуйста. Разве ниже пояса он – не конь? – Ох, как болит горло!

– М-м-м... да, госпожа. В его подлинном виде. – Лицо у нее сделалось пунцовым.

– Аланна, дьявол тебя побери! Что ты имеешь в виду? Что значит «подлинный вид»?

– Он Верховный шаман и потому способен изменять свой внешний облик. Одно из его воплощений – человеческое.

– Разве такое возможно?

– А вдруг?..

– Для Кланфинтана возможно все! – ничуть не сомневаясь, ответила Аланна. Для нее способность Верховного шамана изменять внешний облик была так же неоспорима, как то, что вода течет сверху вниз или опьянение вызывает приступы смеха и икоту.

– Значит, мне не придется заниматься сексом с конем?

– Нет, госпожа.

– Какое облегчение!

– Да, госпожа. Позволь я помогу тебе лечь поудобнее.

Она засуетилась – сняла с меня диадему, украшения, смыла косметику...

– И все-таки о Рианнон ты мне так ничего и не сказала!

Теперь вздохнула она.

– Она-то знала, что Кланфинтан умеет превращаться в человека?

– Разумеется, госпожа.

– Перестань мотаться туда-сюда! Я нормально себя чувствую. Садись, и давай поговорим.

Аланна поджала губы и нехотя присела на край кровати. Ей явно было не по себе.

– Она испытывала отвращение не к Кланфинтану. Ей ненавистна была мысль о бракосочетании с любым мужчиной.

– Почему? – Неужели я – лесбиянка? Только этого не хватало! Нет, я не страдаю гомофобией и прочей ерундой, но, если окажется, что у меня нетрадиционная сексуальная ориентация, мое и без того непростое положение в этом мире еще больше осложнится!

– Госпожа Рианнон недвусмысленно дала ему понять, что она не будет счастлива, если ей придется ограничиться всего одним мужчиной, – смущенно и печально ответила Аланна. – Пусть даже всего на один год.

– Теперь понятно, почему я ему не нравлюсь! – наконец-то поняла я.

– Да, госпожа.

– По-моему, ты ее поведения не одобряла... ведь так?

– Не мое дело одобрять или не одобрять поведение госпожи Рианнон, – бесстрастно, ровным голосом ответила она.

– Почему? Ведь ты ее помощница, личный секретарь или что-то в этом роде?

– Помощница?! Личный секретарь?!

– Ну да, помощница, которая напоминает, какое у нее расписание, когда с кем встречаться и так далее... Короче говоря, ее служащая.

– Госпожа, я – ее служанка.

– Похоже, она не ценила тебя по достоинству; даже достойное название для твоей должности не удосужилась придумать. Готова поспорить, она и платит тебе гроши. Почему ты от нее не ушла?

– Ты не понимаешь, госпожа. Она – моя хозяйка. Я ее собственность.

О боже мой!

– Ты – ее рабыня?!

– Да. А сейчас я твоя рабыня, госпожа.

– Нет! Я не могу владеть рабами! Сейчас же освобожу тебя. Тащи сюда бумагу, или что там у вас... Это совершенно нелепо!

– Нет, не надо, госпожа. – Аланна снова побледнела и испуганно зачистила: – Я всю жизнь была рабыней Рианнон! Маккаллан купил меня для своей дочери, когда я была еще девочкой. Так принято в нашем мире.

– Ваш мир – не мой!

– Сейчас он и твой, госпожа.

Я вдруг поняла, что ужасно устала. Что я здесь делаю? И неужели все это происходит на самом деле?

– Спи, госпожа. Утром все прояснится.

– Наоборот. Утром все еще больше запутается.

И все же сон почти сразу навалился на меня. Вино в сочетании со всеми сегодняшними волнениями с успехом заменило снотворное. Веки налились свинцовой тяжестью, и мне совсем не хотелось их размыкать. Меня окружила блаженная темнота.

Помимо Шотландии, какой ее описывает в своих романах Диана Габальдон, и планеты Перн из романов Энн Маккефри, я больше всего люблю во сне путешествовать по моей собственной Волшебной стране. Страна моей мечты населена летающими героями, которые влюбляются в героиню (то есть в меня, конечно), спасают мир (небо в котором чудесного бирюзового цвета), а потом превращают в бриллианты уголь своими сильными (и в то же время нежными) руками. Чтобы доказать, что он меня достоин, очередной мой избранник вымалчивает у меня соизволения заплатить по моим огромным счетам в магазине «Энн Тейлор». Иногда меня помогает Пирс Броснан (который тоже умеет летать). Я лениво плыву по бирюзовому небу на облаке золотистой сладкой ваты (совсем не липкой), почесываю брюшки жирных и пушистых черно-белых котов, пью шотландское марочное виски пятидесятилетней выдержки и дую на одуванчики, чей пух превращается в снежинки.

Надеюсь, теперь вы понимаете, как мне не терпелось снова попасть в мою Волшебную страну после стольких тревог и перехода в другой мир. Уютно свернувшись клубочком, я ровно задышала, предчувствуя очередной сладкий и приятный сон в мире моих фантазий.

Теперь вы понимаете, почему вначале я совсем не встревожилась, почувствовав, что лечу? Открыв глаза, я поняла, что моя душа отделилась от спящего тела и поднимается все выше, к самому потолку.

Кстати, кровать действительно оказалась огромной – даже сверху.

Умение летать или парить в воздухе – шикарное свойство, присущее мне в моей Волшебной стране. Естественно, во сне мне обычно приходится разбежаться и поднять руки над головой, прежде чем я взмываю вверх и лечу, но... какого черта? Волшебная страна на то и волшебная, что она во всем отличается от реальности. Поэтому в ней возможно все...

Итак, я пролетела сквозь потолок. Я взмывала все выше и выше над храмом Эпоны. Как ни странно, у меня закружилась голова. Полеты во сне – всегда источник высшего наслаждения, поэтому головокружение и неприятное сжатие внутри удивили меня, но вскоре голова перестала кружиться и я забыла о неприятных ощущениях.

Вольно паря в ночи, я глубоко и ровно дышала, любясь красивыми пухлыми облаками, набегающими время от времени на почти полную луну. Я заметила, что облака не похожи на обычные для моих снов золотистые скопления сладкой ваты, что тоже было немного странно. И... да, я поняла, что в сегодняшнем сне я еще и чувствую ночные ароматы. Правда, мои сны обычно цветные и очень подробные, поэтому я не встревожилась, а скорее обрадовалась легкому отклонению от нормы. В конце концов, я в другом мире. Может быть, перемещение повлияло и на мою Волшебную страну?

Опустив голову, я с большим интересом принялась разглядывать множество красивых зданий, раскинувшихся вокруг величественного храма. Потом мое внимание привлекло какое-то шевеление в загоне рядом с большой пристройкой – должно быть, конюшней. Немного странно, конечно, что конюшню пристроили к сооружению, предназначенному для исполнения религиозных обрядов, но, с другой стороны, Эпона – покровительница лошадей. Вполне понятно, почему в моем сне лошади наделены особыми привилегиями. Кроме того, я на самом деле люблю лошадей. Несколько раз мне снилось, будто я скакала... точнее, летела... на Пегасе. Мой взгляд снова привлекло какое-то движение. Я спланировала к загону и зависла над каменной оградой. Легкий ветерок отогнал облака от луны, и внезапно загон осветил яркий свет. Я улыбнулась и восхищенно цокнула языком, увидев великолепную серебристо-белую кобылу. Услышав мой голос, кобыла перестала щипать травку и, тихо всхрапнув, подняла ко мне свою изящную голову.

– Привет, красotka!

Услышав мой голос, кобыла выгнула шею. К моей радости, она не испугалась моего парящего тела, а как будто узнала меня (ну разумеется, все ведь происходит во сне!) и поскакала ко мне. Я протянула к ней обе руки; она потянулась к ним мордой. Выглядела она и правда восхитительно. Она напомнила мне жеребцов липицианской породы, которых привозили на выставку в Талсу несколько лет назад. И роста она оказалась самого подходящего – около пятнадцати ладоней в холке. На расстоянии казалось, что на ее серебристо-белой шкуре причудливо играет лунный свет, но, когда она подошла ближе, я увидела, что нос у нее черный, как черный бархат, и вокруг выразительных глаз черные круги. Я невольно улыбнулась – ни разу не видела такой красивой лошади! Ну и фантазия у меня! Лошадь продолжала благосклонно пастись; я еще немного полюбовалась на нее и снова взмыла вверх. Может, вернуться, пока сон не кончился? Тогда мы с ней славно полетаем в облаках...

Небо как будто совсем расчистилось; я опустила голову и окинула здешний мир с высоты птичьего полета. Передо мной открылся изумительный вид. Красивые храмовые постройки были обнесены высокой мраморной стеной. За стеной расстилалась зеленая, холмистая мест-

ность, напомнившая мне итальянскую Умбрию. Как-то, пару лет назад, я возила группу старшеклассников на «познавательную» экскурсию по Италии. Деткам пришлось служить моими телохранителями. Им почти всегда удавалось оградить меня от приставаний местных красавцев.

Заметив на холмах многочисленные виноградники, я обрадовалась. Так и знала, что в моем сне где-нибудь обязательно всплывет вино! Надо надеяться, скоро мне навстречу прилетит официант с внешностью Пирса Броснана и нальет мне мое любимое мерло. Хотя, видимо, для одного вечера и я так выпила слишком много, потому что Пирс не показывался. Посмотрим, что будет дальше! Мне захотелось получше изучить новую Волшебную страну, и я полетела вперед, любуясь красотами. Чуть поодаль, наверное к северу от храма (точно сказать не могу – у меня топографический кретинизм), я различила нечто напоминающее высокую горную гряду. Направившись в сторону гор, я снова ощутила легкий ветерок и немного удивилась. Ветерок дул с запада и нес на своих крыльях отчетливый запах соли. Я вдохнула его полной грудью. Может, там океан? Едва я посмотрела в ту сторону, мое невесомое тело тоже сменило направление; я почувствовала, что меня медленно несет ветром. Прищурившись, я с трудом разглядела внизу какие-то мерцающие огни и отражение луны – наверное, в реке. Предвкушая радость, я улыбнулась, решила лететь вдоль реки – и мое тело охотно откликнулось на мысленный призыв.

Внизу стремительно проносились сонные деревушки, разбросанные между округлыми холмами и виноградниками. Между холмами текла мерцающая при луне река; у каждой деревни имелась небольшая пристань, на которой стояли маленькие плоскодонки. Запах соли стал явственнее, и впереди я разглядела огромную водную гладь, к которой стремительно приближалась. Море находилось у меня на пути. Береговая линия выглядела внушительно – вся зеленая, изрезанная многочисленными бухтами. Я сразу вспомнила утесы Мохер в Ирландии (как-то летом я возила учеников в Ирландию. Мы назвали нашу поездку «ознакомительным туром по пабам»). Берег все тянулся и тянулся в лунной ночи, а там, где темная водная гладь встречалась с ночным небом, я разглядела нечеткий силуэт западной оконечности горной гряды, которую заметила раньше. Мое тело по-прежнему стремилось вперед; меня влекло к какому-то устремленному в небо зданию, стоящему на вершине высокой, живописной скалы (вроде Эдинбургского замка... ну да, мы с учениками ездили и в Шотландию. И вовсе им не пришлось меня спасать... пусть не врут!). Подплыв ближе, я замедлила движение и вгляделась. Передо мной находился красивый, огромный старый замок, а я проплывала прямо над входом, который находился в противоположной от моря стороне. В отличие от многих старинных европейских замков этот, как мне показалось, был в превосходном состоянии. Над четырьмя массивными башнями реяли флаги с изображением вставшей на дыбы серебристой кобылы. Я невольно улыбнулась; кобыла очень напоминала красивую лошадь, которую я видела в загоне у храма Эпоны.

С одной стороны крепость вплотную подходила к краю крутого обрыва. Должно быть, здешним обитателям замка нравится любоваться изумительным видом, который открывается с такой высоты... Прямо дух захватывает! Подойти к замку можно было лишь с одной стороны – там склон порос лесом и был довольно пологим. Внизу я увидела небольшую долину, в которой уютно устроилась симпатичная деревушка. Вверх от нее к замку вела довольно широкая и утоптанная дорога; я поняла, что жители деревушки и обитатели замка поддерживают регулярные отношения. Замок со всех сторон окружали крепостные валы; вполне уместно смотрелись и громадные ворота, которые выглядели, однако, совсем не угрожающими, а скорее наоборот. Сам замок был ярко освещен, а ворота широко распахнуты и словно приглашали войти. Значит, здесь не военная крепость; иначе ворота закрыли бы и непременно охраняли ночью. Да, и обязательно вырубил бы красивый старый лес, по которому к замку может подо-

браться враг... Видимо, мне снится не военная крепость. Вполне возможно, его хозяин... ну, кто? Как вы думаете?

Пирс Броснан! Скорее всего, он уже ждет меня внутри и предложит отдохнуть после полета: например, станет массировать мое тело с применением съедобного кокосового масла. А потом медленно его слижет. М-м-м... Вот почему мне показалось странным, что мое тело все плывет и плывет над замком. Ладно, я уже готова остановиться и приступить к более «интимной» части сна.

Я улыбнулась в предвкушении удовольствия – и...

Ничего!

Я по-прежнему летела.

Хватит! Я в самом деле больше не хочу летать!

Тело меня не слушалось. Я забеспокоилась. Что случилось, черт побери? Волшебная страна – мой вымысел. Она повинуется мне. Помню, я очень удивилась, узнав, что не все обладают способностью управлять своими снами. Дело было, когда я ходила в третий класс. Как-то утром в понедельник одна моя подружка пришла в школу бледная и грустная. На перемене я спросила, что случилось, и она поведала мне поразительную вещь – оказывается, ночью ей приснился страшный сон. Я сказала, что ей нужно было лишь во сне приказать, чтобы все изменилось, а она посмотрела на меня как на сумасшедшую (или на урода) и ответила, что это невозможно. Во сне все происходит независимо от нас... Не сразу, но все же до меня дошло: не все обладают способностью управлять собственными снами. Если в моем сне начинало происходить что-то неприятное или страшное, я просто приказывала, чтобы все изменилось. И сны неизменно меня слушались. За тридцать пять лет мне еще ни разу не снился сон, который не повиновался бы мне. Мои подруги считают, что это круто, и завидуют мне, а мои приятели уверены, что я все выдумываю.

Итак, мне всегда удавалось управлять собственными снами.

До сегодняшней ночи.

Пока я парила над замком, к смятению прибавлялась досада. Мой сон, конечно, никак нельзя было назвать страшным. И все же он меня беспокоил, раздражал. Мне захотелось, чтобы он закончился...

И вдруг все переменилось. Меня окутал страх. Ничего подобного я в жизни не испытывала! Это было страшнее автокатастрофы. Ужаснее, чем моя боязнь змей. Чистый, первобытный страх сочетался с твердой уверенностью в том, что где-то рядом таится зло. Живое воплощение зла, например такое, которое толкает на мерзкие поступки педофилов, насильников и террористов.

Стараясь не паниковать, я старалась глубоко дышать и напомнила себе, что это только сон... всего лишь сон... всего лишь сон. Но страх не проходил. Опустив голову, я стала разглядывать замок, ища в нем отгадку, первопричину моего страха. Замок выглядел сонным и невинным. В сторожке, прилепившейся к стене у открытых ворот, я увидела двоих людей в форме – должно быть, часовых или ночных сторожей. Они сидели за деревянным столом и играли в какую-то игру – похоже, в кости. От них не исходило никаких неприятных флюидов. Обычные ленивые наемники, а вовсе не злодеи... Многие помещения в замке были освещены; время от времени я различала за окнами движущиеся фигуры. Никто как будто никого не убивал, не насиловал, не грабил. С той стороны, которая выходила на океан, я заметила смотровую площадку. На ней стоял одинокий человек. Стоял и смотрел – младенцев не резал, старушек не насиловал. С той стороны я тоже не ощутила никакой угрозы. И все же зло было. Я его чувствовала. Оно было почти осязаемым... Так бывает после того, как переедешь на машине сбитого кем-то до тебя зверька. Кажется, что вонь проникает в салон снизу, от колес, и забивает ноздри еще долго после того, как ты наедешь на трюпик. Я продолжала осматриваться; мое тело без труда поворачивалось в воздухе. Наконец мой взгляд устремился в сторону леса...

Вот оно! Несомненно, зло находилось там, в лесу. Оно сгустилось на северной опушке, в той части, которая примыкала к дальним горам.

Ощущение было таким сильным, что мне трудно было сосредоточиться; перед глазами все дергалось, как будто я смотрела фильм в формате 3D, но никак не могла выбрать правильный угол зрения. Кроны деревьев расплывались, сливались в одно темное пятно... Вдруг мне показалось, будто лес пошел рябью. Замигав, я прищурилась, всмотрелась получше. Рябь не исчезла; наоборот, она покрывала все больший участок. Словно по странице расплзалась огромная клякса – черная, густая, маслянистая. Огромное пятно двигалось между деревьями, буквально излучая зло. Пятно двигалось тихо, но с огромной скоростью.

У меня перехватило дыхание. Черное пятно приближалось к спящему замку.

Глава 5

Чем им помочь? Я пыталась криком привлечь внимание часовых, играющих в кости, но мой призрачный голос уносило ветром. И я по-прежнему не могла спуститься; на какое-то время я даже обрадовалась, потому что меня ужасала сама мысль о том, что и я могла бы находиться в том замке, к которому неотвратно приближалось черное зло. Потом мне стало стыдно. Посмотрев на опушку, я ужаснулась. Черное пятно приближалось стремительно! И чем ближе оно подходило, тем явственнее я ощущала идущее от него зло. Как могут обитатели замка спать, играть в карты или просто бездельничать? Почему они не чувствуют то же, что и я?

Вдруг мне показалось, что я больше не во сне. Наползающий ужас стал явью.

Словно откликаясь на мои мысли, парящее в воздухе тело начало снижаться. Мне было страшно и вместе с тем любопытно; хотелось понять, что же здесь творится. Вот черная масса вырвалась из-за деревьев... Я спустилась еще ниже.

Сначала мне показалось, будто внизу бегут высокие мужчины в темных, свободных плащах. Они передвигались стремительными шагами, время от времени совершая огромные прыжки – как прыгуны в длину, только они не падали, как в легкоатлетическом манеже, а продолжали бежать. Необычный способ передвижения больше напоминал полет, чем бег.

Странные бегуны казались не живыми существами, а призраками или зомби. Из леса появлялись все новые и новые странные фигуры. Я стала присматриваться к их длинным свободным плащам – они меня почему-то насторожили. Полы раздувались на ветру... и вдруг я с ужасом поняла, что это никакие не плащи, а крылья – огромные черные крылья, которые расправлялись на ветру, помогая своим обладателям быстро бежать и далеко прыгать.

Меня передернуло от отвращения. Их там несколько сотен, не меньше... Они напоминали огромных хищных человекообразных летучих мышей или гигантских человекообразных тараканов. Спустившись еще ниже, я начала различать в общей массе отдельные фигуры и разглядела их строение. Их черные крылья были так велики, что скрывали невероятно белые тела, казавшиеся полупрозрачными. Странные голые, если не считать набедренных повязок, фигуры напоминали скелеты. Волосы у них были светлые, от русых до серебристых и белых, руки и ноги необычайно длинные, как у пауков. И все-таки они определенно человекообразные. Во всяком случае, лица у них вполне человеческие. На всех застыло одинаково жестокое, непреклонное выражение. Неожиданно я вспомнила отрывок из стихотворения Роберта Бернса:

Суровой ниткою судьбы
Ковер судьбы расшит,
Еще сильнее нас гнетет
Раскаянье и стыд;
Кто в небесах лишь видит толк,
Любовью озарен,
Но кто собратьям только волк,
Для тысяч – горе он⁵.

Невозможно было оторвать от них взгляд; они ринулись к неохраняемым воротам замка – и явно не с добрыми намерениями... Добрались! Черные фигуры молча, бесшумно проникли в замок.

Игроки в кости ничего не заметили. Не скрипнула ни одна дверь, не открылось ни одно окно. Тишина. Тишина. Тишина.

⁵ Перевод Ю. Князева.

Но я все равно каким-то образом чувствовала, что несут с собой черные твари. Я не видела, что происходит в многочисленных комнатах подо мной, но весь замок как будто безмолвно кричал от боли и ужаса. Он напоминал больного, в чьем организме стремительно разрастается раковая опухоль.

Я ломала голову над тем, как им помочь. Мое отделившееся от физической оболочки тело поплыло в другом направлении. На сей раз меня влекло к одинокому человеку, стоящему на наблюдательном посту. Подлетев поближе, я вдруг поняла, что лицо человека мне знакомо... Боже мой!

– Папа! – выдохнула я.

При звуках моего голоса он обернулся и стал озирается, видимо ища меня. Я отчетливо видела его в лунном свете. Это был мой отец. Черт бы побрал зеркальные образы! Черт бы побрал фигию с другими мирами! Передо мной стоял мой отец.

Папа разменял шестой десяток, но он бывший футболист и еще вполне крепок. Однажды двоюродный брат признался: в детстве он считал, что мой отец – самый сильный человек на свете, а став взрослым, он убедился в этом окончательно. Наверное, он прав. Папа не то чтобы здоровяк, нет. Рост у него пять футов десять дюймов; когда он заканчивал школу в маленьком городке, представители отборочной бригады сказали, что он недостаточно крупный, чтобы играть в футбол за команду какого-нибудь известного университета, например Иллинойского. Но они не приняли в расчет папино упорство. Как злобный маленький бульдог, он упрямо несся к цели, и остановить его было невозможно. Он успешно играл в студенческой лиге, а закончив колледж, успешно передавал навыки молодым игрокам. Его взяли на работу в самую крупную школу в Оклахоме; под его руководством команда, которую он тренировал, семь лет подряд выходила в финал чемпионата штата. И все семь раз побеждала.

Я всю жизнь была папиной дочкой. Привыкла полагаться на его силу. В детстве я не сомневалась: нет такого дракона, которого он не убил бы, нет такого демона, которого он не изгнал бы ради меня. И теперь я видела его зеркальное отражение в стоящем на наблюдательном посту мужчине.

– Папа!

Видимо, он услышал мой призрачный голос, потому что вдруг резко вскинул голову и наморщил лоб. Конечно – ведь он меня не видит! Но, выходит, слышит?

– Рианнон! Ты здесь, доченька?

Наверное, он слышит крик моей души.

Сосредоточившись на одном лишь слове, как на молитве, я заплакала и крикнула:

– Опасность!

– Да, девочка моя. Я тоже почувал опасность в ночи! – Внезапно морщины на его лбу разгладились, и он решительно зашагал прочь с площадки. Вскочив на деревянный мостик, который шел вдоль всей внутренней стены замка, он побежал к дозорной башне. Я летела над ним в воздухе. Вскоре загремел его голос, очень похожий на голос моего отца – если бы мой отец говорил с шотландским акцентом:

– Все к оружию! Защищайте замок! Эпона предупредила меня об опасности! Торопитесь, ребята! Смертельный холод сковывает меня... чую, не много времени у нас осталось!

Через окно я заметила, как изменились лица охранников; они бросились к человеку, так похожему на моего отца. Схватив мечи, они побежали к башням; послышались крики – будили спящих. В темноте загремело оружие.

А потом до меня из внутренних покоев донеслись страшные крики.

Под руководством моего отца мужчины, кое-как нацепившие килты, спешно хватали оружие и выбегали из башен – видимо, там разместился гарнизон. Все бежали во внутренний двор, куда незаметно проник враг. Я беспомощно наблюдала за тем, как навстречу защитникам замка выбегали жуткие создания. Мучнисто-белая кожа окрасилась кровью их жертв. Страш-

ные твари не были порождениями кошмара – они сами были кошмаром. Никакого оружия у них в руках я не заметила, и все же, когда стражники вступили с ними в схватку, их мечи и щиты были почти бессильны против оскаленных зубов и когтей. Крылатые твари превосходили защитников замка и числом, и свирепостью. Многие из них время от времени наклонялись над поверженными, еще живыми врагами, не спеша пили кровь и пожирали теплые внутренности, а потом возобновляли резню. Я слышала ужасный хруст ломаемых костей, треск рвущейся плоти, и меня трясло.

Отца я вскоре потеряла из виду; я решила спуститься к месту битвы. Тело мне не повинилось. Правда, спускаться ниже не было нужды – я увидела его. Его окружали крылатые твари. Из многочисленных рваных ран на плечах и груди отца хлестала кровь, а он все замахивался огромным мечом, отражая врагов. У его ног валялись два безголовых трупа – жертвы его силы.

Твари окружили его, но все старались держаться подальше от его клинка.

– Сюда, подлые трусы! – услышала я его голос и узнала знакомую интонацию. Правда, прежде я слышала ее лишь однажды. Дело было на тренировке. После того как лучшего лайнбекера команды задержали в магазине на мелком воровстве, папа отстранил его от матчей. Нахальный парень заявил отцу: не важно, как он ведет себя вне стадиона, он все равно будет играть, потому что он – лучший игрок в команде. Папа приказал парню вместе с его самомнением выйти в центр поля и при всех заявил: «Если сегодня хоть раз собьешь меня с ног, завтра выпущу тебя на матч!»

Парень был выше отца почти на шесть дюймов, на тридцать с лишним лет моложе его, а весил фунтов на сорок больше, но так и не сумел сбить отца с ног и, разумеется, не принял участия в следующем матче того сезона.

Отзвук именно такого вызова я услышала в голосе отчаянно сражающегося человека. И поза была та же самая, и та же сила. Он снова был прав, только сейчас его правота не имела никакого значения. К нему бежали все новые и новые враги. Кольцо вокруг него мало-помалу росло; наконец отца обступило не менее двадцати человекообразных тварей. Они стояли раскинув крылья и злобно щерили окровавленные пасти.

Никогда не забуду, как он сражался. Он не испугался. Держался хладнокровно и уверенно. Враги медленно теснили его; они наступали, как одно существо. Я увидела, как сверкнул его меч; он рубанул одного, другого, третьего... и они добрались до него, стали рвать когтями и зубами. Он еще бился кулаками, скользкими от его собственной крови. Даже упав на колени, он не закричал.

И не сдался.

Но я больше не вынесла. Мне казалось, будто моя душа распадается на части вместе с его телом; я в ужасе закричала в ночи...

И проснулась.

– Нет, папа, нет! – Я вся дрожала; лицо у меня было мокрым от слез.

В мою комнату почти одновременно, хотя и с разных сторон, вбежали Аланна и Кланфинтан.

– Госпожа! О, госпожа, что случилось?

Аланна подбежала ко мне первой. Я помнила о том, что она – не Сюзанна, но все равно бросилась ей на шею и зарыдала.

– Это было ужасно! – всхлипывая, с трудом говорила я. – Они убили моего отца. А я ничего не могла поделать... только смотрела!

Аланна ворковала что-то утешительное и гладила меня по спине.

– Нам грозит опасность? Позвать стражу?

Голос Кланфинтана был голосом воина, и я вдруг поняла, как он должен быть отважен в бою. Подобно тому, как во сне я заранее ощутила зло, я поняла, что и теперешнее мое чувство тоже верно.

– Нет... – Рыдания сменились всхлипыванием, но мои слезы по-прежнему лились градом. – Все произошло во сне, а не на самом деле.

Аланна заметно напряглась, осторожно высвободилась, встала и заглянула мне в глаза.

– Госпожа, ты должна рассказать, что ты видела.

Голос у нее был спокойным, но я почувствовала в нем страх.

– Мне приснился сон.

Поверх ее плеча я увидела, что Кланфинтан беспокойно мечется по комнате; его черные глаза горели каким-то непонятным для меня чувством.

– Рианнон, что открыла тебе Эпона? – услышала я его голос и в полном смущении плотно закрыла глаза.

– Это был не сон! – прошептала Аланна мне на ухо.

От ее слов меня затрясло. Мало мне злоключений... Что еще произошло?

Я заставила себя расправить плечи; хотя меня по-прежнему трясло, я подняла глаза и встретила со спокойным взглядом Кланфинтана.

– Прошу тебя, дай мне минуту, чтобы собраться с духом. Потом я расскажу обо всем, что увидела во сне.

В его глазах мелькнуло сострадание, и я вдруг поняла, насколько он добр. Я уже не удивлялась тому, что он является духовным вождем своего народа.

– Конечно, госпожа. Пришли за мной свою служанку, как только будешь готова.

Не заботься о последствиях, я выпалила:

– Никакая она не служанка! Она моя лучшая подруга!

Я услышала, как Аланна ошеломленно выдохнула.

– Прости, госпожа Рианнон. Пришли за мной свою подругу. – Его улыбка казалась искренней. Как ни странно, она меня утешила.

После того как он тихо притворил за собой дверь, меня снова затрясло.

– Госпожа, я не твоя подруга... Я не могу быть твоей подругой! – испуганно воскликнула Аланна.

– Точно, Аланна. Ты не подруга Рианнон. Ты была ее рабыней, ее служанкой. Но ведь я – не она!

Я вытерла глаза. Она протянула мне лоскут, чтобы я высморкалась. В знак благодарности я улыбнулась ей:

– Я понимаю, что ты – не Сюзанна, но я все время вижу в тебе ее – а она моя лучшая подруга. Надеюсь, со временем ты ко мне приспособишься и, может быть, тоже почувствуешь ко мне дружеские чувства. Знаешь, Аланна, сейчас мне и в самом деле очень нужна подруга! – Я тут же снова разрыдалась. Опять!

– Госпожа, то, что ты говоришь, правда. Ты совершенно точно не Рианнон! – У нее на глазах выступили слезы сострадания; она причесывала меня, убирая волосы со лба, и вдруг нежно обняла. – Похоже, к тебе вернулся голос!

– Да, вернулся! – Я улыбнулась неуклюже и натянуто, как будто забыла, как это делается.

– Принести тебе какое-нибудь успокоительное питье, чтобы болезнь не вернулась?

– Может, лучше горячего чая? По-моему, мне пока лучше воздержаться от вина.

Аланна дважды хлопнула в ладоши, и в комнату вошла сонная нимфа, видимо работающая в здешнем отделе доставки. Кстати... неужели она тоже моя рабыня? Снова впасть в отчаяние оказалось нетрудно; я в очередной раз заплакала, чувствуя, что противна самой себе.

– Аланна, помоги мне разобраться в том, что произошло.

Я решительно вытерла глаза. Не позволю депрессии овладеть мною!

– Ты сказала, то, что я видела, было на самом деле? Как такое возможно?

– Ты видела Волшебный сон. Способность видеть такие сны – один из даров, благодаря которым ты и стала Верховной жрицей и Любимицей Эпона. Еще в раннем детстве твоя душа

часто вылетала из тела и становилась свидетельницей разных событий, происходивших далеко отсюда. Иногда тебе даже удавалось общаться с людьми. Ты ведь не умела делать это в своем прежнем мире?

– Нет, не умела, зато я всегда управляла своими снами, что для моего мира тоже не совсем обычно. Я посещала разные выдуманные места; со мной по моему желанию происходили всякие интересные вещи. – А теперь этой невинности конец... После того, что я наблюдала сегодня, Волшебная страна больше никогда не станет для меня местом чистого счастья... Меня опять передернуло.

– Должно быть, так твой дар проявлялся в мире, лишенном Эпоны.

После того, что я видела сегодня, мне трудно было понять, почему в голосе Аланны слышится печаль.

– Но почему именно сегодня? Я совершенно точно никуда не «посылала» свою душу. Запомни, Аланна, я – не Рианнон! Почему это случилось, а я даже не понимала, что происходит? – Мои глаза снова наполнились слезами. – Какой ужас! И мне пришлось на это смотреть...

– Возможно, сегодня Эпона позвала тебя, так как ты должна была стать свидетельницей.

– Неужели ваша богиня так жестока?

– Нет, госпожа. Лишь великое добро может победить великое зло.

Вернулась нимфа; на подносе она несла изысканный чайный сервиз. Я улыбнулась ей в знак одобрения, она застенчиво ответила мне улыбкой. Но когда она уже собралась уходить, я заметила, что на подносе всего одна чашка.

– Извини, пожалуйста!

Нимфа вздрогнула и застыла на месте.

– Принеси чашку и для Аланны. Она выпьет чаю со мной.

– С-слушаюсь, госпожа...

– Очень тебе признательна.

Девушка явно смутилась, но все же быстро побежала выполнять приказ. Аланна пытливо смотрела на меня и качала головой, словно спрашивала: «Что ты вытворяешь?» К этому выражению ее лица я постепенно начала привыкать.

– Даже не начинай. Я столько всего пережила, что не могу думать еще и о здешнем сволочном рабстве. Придется тебе привыкать к тому, что я буду обращаться с тобой как со своей подругой. Как говорится, к черту мины и полный вперед!

– Что...

– Еще одно выражение. – От чая мне стало тепло и приятно, и трясло уже не так сильно. – Оно означает, что надо не обращать внимания ни на какие препятствия.

Вернулась маленькая нимфоподобная служаночка еще с одной чашкой, которую она протянула Аланне. Лицо у нее было по-прежнему ошеломленное, зато она радостно улыбнулась в ответ на мою улыбку, с поклоном удаляясь из комнаты. Аланна, явно стесняясь, налила себе чаю.

– Значит, ты утверждаешь, что виденное мною не было ни сном, ни видением? Пока мое, так сказать, астральное тело парило над замком, там на самом деле происходили все те страшные события?

– Да, госпожа, – с грустью ответила Аланна.

– Значит... – я несколько раз глубоко вздохнула, – он погиб?

– Мне очень, очень жаль, госпожа.

Чашка звякнула о тонкое блюдце; дрожащими руками я отодвинула ее.

Вдруг я поняла нечто такое, от чего едва не перестала дышать.

– А мама... Что с моей матерью? – Грудь точно стиснуло обручем. Не хватало еще, чтобы и ее... – Я ее не видела, но разве она не должна была быть там, с отцом?

– Госпожа, твоя мать умерла вскоре после твоего рождения, – негромко сказала Аланна, ставя чашку на блюде и глядя меня по руке.

– Ясно... – задумчиво протянула я. – Вот и хорошо!

Аланна изумленно вытаращила глаза:

– Что «хорошо», госпожа?!

– Нет-нет, я вовсе не радуюсь ее смерти.

Аланна вздохнула с облегчением.

– Я радуюсь, что те твари ее не убили. В моем мире они с отцом развелись, когда я была еще маленькая.

Аланна бросила на меня ошеломленный взгляд.

– Им обоим потом стало только лучше, правда. Оба нашли себе других спутников жизни и сейчас очень счастливы.

– Раз ты так говоришь, госпожа... – с сомнением отозвалась Аланна.

– Разве у вас здесь не разводятся?

– Разводятся. Но развод считается позором.

– Какие бы у вас ни были обычаи, я рада, что моя мама не видела, что случилось сегодня ночью. – Мне как-то легче было представлять, что она умерла тридцать пять лет назад, а не рисовать страшные картины ее сегодняшнего убийства. Вроде убийства отца. Я глубоко вздохнула.

Меня по-прежнему била дрожь, когда я задала вопрос, который вдруг стал для меня очень важным.

– Рианнон любила отца?

– По-моему, он был единственным, кого Рианнон способна была искренне любить. Он так и не женился во второй раз и воспитывал ее один, не отсылал от себя, как сделали бы на его месте другие вожди кланов. – Аланна грустно улыбнулась. – Маккаллан так гордился ею! Души в ней не чаял. По-моему, он видел ее такой, какой она не открывалась больше никому. Рядом с ним Рианнон всегда вела себя безупречно.

У меня стиснуло горло; стало жарко.

– Значит, что-то общее у нас с ней все же есть – мы обе любим своих отцов.

– Тебе следует рассказать о том, что случилось ночью, Кланфинтану. Он тебе поможет. Доверься ему, госпожа! Он может стать могущественным союзником. – Аланна схватила меня за обе руки и серьезно заговорила: – Если не считать Маккаллана, Рианнон не считалась ни с чем и ни с кем, даже способным доставить ей удовольствие; она любила всеми вертеть и пользоваться в своих интересах. – Светло-карие глаза Аланны пылливо посмотрели на меня. – Внешне ты похожа на нее. В тебе ее пыл, ее веселье и ее страстность, но ты выросла в другом мире и привыкла к другой жизни. Поэтому ты совершенно другая. Я не верю, что ты такая же, какой была она. У тебя любящее сердце. Прошу тебя, госпожа, призови на помощь и свою мудрость. Помни, твой отец одобрил твой союз с Кланфинтаном. Кланфинтан силен и мудр, он непременно придумает, как поправить это ужасное зло!

– Позови его! – Я сжала ей руку. Она улыбнулась мне и, прежде чем снова хлопнуть в ладоши и сообщить прибежавшей нимфе, что я хочу видеть Кланфинтана, быстро погладила меня по щеке. Я вдруг поняла, какой, наверное, выгляжу растрепой, и пробежала пальцами по волосам, чтобы они хоть как-то улеглись. Аланна уверенно убрала мою руку, достала со столика гребень и ловко заплела мне красивую французскую косичку. – Спасибо, подруга!

Ее теплая улыбка послужила достаточно красноречивым ответом.

Войдя, Кланфинтан тихо прикрыл за собой дверь. Не колеблясь он подошел к моей кровати и взял мою руку в свою.

– Хочу выразить тебе мое глубочайшее сочувствие. Маккаллан был великим главой клана и моим другом. – Его пожатие было теплым и твердым. – Весь Партолон знает, как ты его любила. – Прежде чем выпустить мою руку, он еще раз сжал ее.

– С-спасибо. – Без его тепла мне вдруг стало холодно.

– Ты готова рассказать, чему стала свидетельницей? – В его бархатном голосе слышалась тревога.

– Да. – Я расправила плечи. – Мой сон начался здесь. Я пролетела сквозь потолок и навестила одну красивую белую кобылу... – И Аланна, и Кланфинтан понимающе улыбнулись, и я поняла, что и кобыла тоже существует на самом деле. – Потом я взмыла вверх, любовалась яркой луной и ночью.

– Да, луна действительно притягивает, – задумчиво заметил он.

– М-да...

Когда он смотрел на меня, глаза его были теплыми и добрыми. Нет, сейчас не время терять голову из-за его прекрасных глаз!

– Потом меня потянуло к морю. И там на скале стоял замок, обращенный входом от моря. Он понимающе кивнул.

– Почти сразу я поняла: там что-то не так. Нет, не просто «не так». Я поняла, что где-то поблизости затаилось зло. Я ничего не видела, только чувствовала.

Он снова кивнул, призывая меня продолжать.

– Пытаясь отыскать источник своего дурного предчувствия, я посмотрела на лес. Оттуда они и появились... – Я замолчала. Едва я вспомнила о крылатых тварях, меня затрясло. Аланна, по-прежнему стоявшая рядом, в знак утешения положила руку мне на плечо. – Они были ужасные. Сначала я решила, что ожил сам лес, что он – какое-то кошмарное создание. Он весь шел рябью и дрожал. Потом я увидела, что дело не в лесе; под деревьями двигались жуткие твари. Я разглядела их... Они с крыльями, но похожи на людей.

– Фоморианцы! – недоверчиво прошептал Кланфинтан.

Не дав мне ни о чем его спросить, Аланна предостерегающе сжала мое плечо. Я подняла на нее глаза и увидела, что она кивает, соглашаясь с тем названием, какое дал Кланфинтан отвратительным созданиям.

– Когда я поняла, что происходит, полетела к отцу и предупредила его об опасности. Он даже услышал меня... Но было уже поздно. Твари ворвались в замок. Они убили часовых и всех, кто там был. – Я закрыла лицо руками. – Я видела, как убивали отца!

– Госпожа Рианнон! – Его голос вернул меня к действительности. – Можешь ли ты сказать, сколько их было?

– Множество. Они как саранча... пожирала все на своем пути!

– Я понимаю и разделяю твою боль, госпожа Рианнон, но прошу тебя ответить еще на один вопрос. Пожалуйста, опиши, как они выглядят... подробно. – Его добрые глаза смотрели на меня ласково и сочувственно.

Я откашлялась и, прежде чем продолжать, выпила еще чаю.

– Ростом они как будто выше, чем обитатели замка. – Замолчав, я постаралась отогнать от себя страшные картины, но надо было продолжить рассказ. – У всех огромные черные крылья, которые растут из спины. Они не летают, как птицы, но крылья помогают им бегать и парить. Передвигались они на удивление быстро. Быстрее, чем способен бежать человек. Руки и ноги у них, по-моему, очень длинные и тонкие. Кожа мучнисто-белая, волосы длинные и, кажется, светлые. – Я снова помолчала, вспоминая. – Отвратительнее всего то, что они выглядят почти как люди! Снимите с них крылья, наденьте на них обычную одежду, и они сойдут за обычных людей! – Меня передернуло.

– Есть ли у них оружие? – вмешался он в мои мысли.

– Только зубы и когти. – Я с трудом заставила себя добавить: – Они... перебили всех защитников замка и... время от времени останавливались и пожирали их внутренности! – Мой ровный, лишенный всякого выражения голос никак не мог передать того ужаса, который я пережила при виде зверства захватчиков.

– До сих пор я не верил, что это правда... – Кланфинтан принялся расхаживать взад и вперед у изножья кровати, запустив пальцы в свою густую шевелюру. – Я думал, что истории о фоморианцах – всего лишь легенды, сказки, которыми пугают маленьких детей, чтобы слушались старших.

– Не понимаю. – Наверное, мне, вернее, Рианнон следует что-то знать о фоморианцах, но сейчас не время, я должна скромно молчать (как будто я когда-то умела скромно молчать!).

– Ты ведь тоже слышала такие сказки. – Казалось, он настолько поглощен собственными мыслями, что не замечает моего невежества. – Все партолонские матери пугают детей историями о крылатых демонах, которые схватят их и сожрут, если они отойдут далеко от дома.

– А, да. – Я притворилась беспечной. – Но подробностей я не запомнила. Откуда они должны появляться?

– С той стороны Триерских гор. Кажется, ни в одной легенде об их происхождении ничего не говорится.

– Что о них известно?

– Барды поют, что много столетий назад Партолон поднялся против них. Хотя фоморианцы обладали огромной злой силой, численность их была невелика. Они были разбиты; немногих выживших прогнали обратно, за горы. Потому-то у самого перевала и воздвигли Сторожевой замок, и потому он получил свое имя. – Кланфинтан пристально посмотрел на меня. – Но поскольку ты Любимица Эпона, думаю, тебе все это и так известно.

– Эпона не имеет дела со злом! – Едва слова слетели с моих губ, я интуитивно почувствовала: так оно и есть. Как правило, я верю своей интуиции, но она у меня какая-то бессистемная; по-моему, полностью полагаться на нее не стоит. Ладно... Продолжим наши игры. – И зачем мне тревожиться о каких-то легендах, которыми раньше пугали малых детей? – Хватаясь за соломинку, я посмотрела на Аланну. Может, она снова меня выручит? – Эпона слишком занята, чтобы заниматься такими глупостями. – Я совершенно растерялась и понятия не имела, как и что говорить. Фоморианцы... Партолон... Триерские горы...

– Наверное, именно поэтому она и послала тебя туда, госпожа. Ты стала свидетельницей ночных ужасов. И теперь осознаешь, что грозит Партолону, – мягко сказала Аланна, снова похлопав меня по руке. – Разве не предупреждала тебя Эпона об опасности, к которой ты изначально не была подготовлена? – Для нас с ней ее слова имели особый смысл: она знала, что я вообще ни к чему не была подготовлена. Она грустно улыбнулась, а потом покосилась на Кланфинтана. – Может быть, поэтому она вас и соединила. Эпона знала, что ее Любимица не готова к такому проявлению зла; так же как знала она, что ты, как Верховный шаман, лучше помнишь старинные предания и потому будешь знать, как подготовиться к тому, чтобы сразиться со злом.

– Конечно... Спасибо, Аланна!

Она опять меня выручила.

– Да, похоже, все так и есть.

Хорошо, что Кланфинтан слишком погружен в собственные мысли и не обращает внимания на происходящее. В конце концов, хоть он и полуконь, но все же мужчина! А мужчины... в общем, они не способны решать несколько задач одновременно.

– Значит, Эпона предупредила меня о приближении большой беды. – В голове у меня как будто зажглась огромная лампа. Я села и смахнула слезы. – Одним лишь замком моего отца эти твари не удовлетворятся! – Я поочередно смотрела то на Аланну, то на Кланфинтана. – Наверное, Эпона хочет сказать, что опасность грозит нам всем.

Как бы странно это ни звучало, но я поняла, что так и есть. Может быть, Рианнон сейчас испытывает примерно то же в Оклахоме – странную способность интуитивно чувствовать то, о чем она раньше и понятия не имела.

– Да, госпожа Рианнон, это важное предупреждение о надвигающейся угрозе. – Кланфинтан вдруг заговорил отрывисто и деловито. – С твоего позволения я пошлю за моими воинами; они помогут дворцовой страже вывести в безопасное место людей, живущих между твоим храмом и землями Маккалланов. Они могут прийти сюда. Как тебе известно, по замыслу Эпоны храм, возведенный в ее честь, удобно оборонять, и здесь люди будут в большей безопасности. Есть ли в храме запасы провизии на случай нужды?

Аланна кивнула; я вздохнула свободнее.

– Вот и хорошо. Отсюда до замка Маккаллан два дня быстрой скачки. – Кланфинтан снова принялся мерить комнату шагами, полностью погрузившись в мыслительный процесс. – Будем надеяться, что фоморианцы проведут там некоторое время, радуясь своей победе, и не сразу продолжат свое наступление. У нас же останется время послать за подкреплением на Равнины кентавров, привести сюда селян и предупредить жителей Партолона.

– Погоди...

– Прости меня, госпожа Рианнон. Я не собирался командовать и брать на себя твои обязанности. Как твой супруг, я лишь желаю помочь тебе подготовиться к тому, о чем предупредила тебя Эпона. – Он говорил искренне. Но он мужчина и, как всегда, упустил самое главное.

– А как же мой отец?

– Мне очень жаль, госпожа Рианнон, но твой отец погиб. – В его голосе снова послышались теплые нотки; не сомневаюсь, он искренне сочувствовал мне, но по-прежнему ничего не понимал.

– Я помню все, что видела. – Голос у меня сел; пришлось выпить еще чаю. – Но я ведь не видела, как он умер!

Кланфинтан и Аланна встревоженно переглянулись.

– Что, если он еще жив? Он страдает... – Я отпила еще чаю. Плакать не буду! Ну вот, опять...

– Рианнон... – Его бархатный голос утешал, обволакивал. – Прошу тебя, пойми: выжить он не мог.

– Я... понимаю. Скорее всего, он погиб. Но... в общем, не могу я бросить его и всех защитников замка, чтобы они валялись там, как... – Я заглянула ему в глаза, постаравшись придать себе насколько можно молящее выражение. – Ты не видел, как храбро они сражались!

– Понимаю тебя, госпожа Рианнон. Они были доблестными воинами, – смущенно ответил он. Ох уж эти мужчины!

– Вот именно! И мой долг – похоронить их с почестями! – Все очень просто. Мой отец и его воины не станут добычей воронов!

Аланна снова сжала мне плечо:

– Госпожа, ты не можешь ехать в замок Маккаллан.

– Еще как могу! Он только что сказал, что до него два дня пути, и... – У меня снова сел голос. Аланна ведь знала, что я побывала там лишь в духовной оболочке! – И я уже бывала там прежде, – закончила я, чувствуя себя полной идиоткой.

Аланна и Кланфинтан снова встревоженно переглянулись.

– Госпожа Рианнон, ты не можешь подвергать себя такому риску! – Не давая мне возразить, он поднял руку. – Народ смотрит на тебя, ища руководства. Ты – Любимица Эпоны! Особо сейчас тебя не должно касаться никакое зло. В такие времена, когда зло обрушивается на мир, люди прибегают к Эпоне в поисках спокойствия и мудрого совета.

– И воины, госпожа, как люди, так и кентавры, тоже будут смотреть на тебя, – взволнованно перебила Кланфинтана Аланна. – Ты ведь считаешься также покровительницей воинов!

Для всех и без того тяжким ударом станет весть о гибели Маккаллана. Если же в опасности окажется Любимица Эпоны, боевой дух воинов серьезно пострадает.

Чудесно! Я отвечаю за боевой дух войск, а я ведь далеко не Мерилин Монро.

И все-таки мое положение казалось мне несправедливым.

– Представь, что случится с твоим народом, если тебя ранят или возьмут в плен! – Кланфинтан взял меня за руку.

Его рука была теплой. А пожатие – твердым. Боже, какой же он большой парень... то есть конь. Наверняка он бы отлично играл в американский футбол!

И папе он бы определенно понравился... При этой мысли я едва не улыбнулась.

– Послушай его, госпожа. Что, если фоморианцы все еще в замке Маккаллан? Твой отец наверняка не захотел бы, чтобы ты рисковала собой, даже ради него.

– Но я не могу бросить его там... – Я почувствовала, как на меня снова навалилась усталость, а глаза наполнились слезами.

– Госпожа Рианнон... – В мои беспорядочные мысли вторгся звучный голос Кланфинтана. – Спроси себя, чего бы сейчас хотел от тебя Маккаллан?

Я закрыла глаза. Разумеется, папе не хотелось бы, чтобы я пострадала... Если бы все было так просто!

Разум подсказывал, что человек, чью смерть я наблюдала, на самом деле не мой отец. Он – не Ричард Паркер, преподаватель биологии в школе города Брокен-Эрроу, штат Оклахома, тренер футбольной команды, лошажник, художник-любитель (ну разве не ирония судьбы, что он любит рисовать углем животных?), прекрасный повар и всегда доступный сантехник. Вот кто мой отец...

И не просто отец. Мой самый любимый мужчина на свете... В моем мире, конечно. Умом я понимала, что мой прежний мир – не тот, в котором я нахожусь сейчас. Но сердце говорило нечто совершенно другое. Оно подсказывало, что сейчас это почему-то не важно. Тот человек в замке выглядел в точности как мой отец. Он говорил как мой отец. И каким бы странным и запутанным все ни стало после того, как я проснулась в новом странном мире, Рианнон тоже любит своего отца.

Возможно, она редкая стерва. Наверняка шлюха. И дрянь, каких мало. Но она тоже папина дочка. Она любит своего отца. Раньше я не слишком часто вспоминала о родительском доме. У меня всегда была куча дел. Но, если что-то случится с моим отцом, Рианнон, каким бы странным ни показался ей новый мир, ни за что не бросит его.

Вот и я тоже не брошу ее отца. Я в ответе за него в этом мире. Вернуться назад я не смогу, так что... Я помотала головой. Аланна и Кланфинтан все равно не поймут меня, даже если захотят.

Я открыла глаза. Наконец-то зрение обрело четкость.

– Ваши слова вполне разумны. – Я постаралась улыбнуться как можно любезнее.

Они явно успокоились.

А я притворилась, будто у меня кружится голова.

– Ох, как я устала! Что у нас сейчас, утро?

Оба смерили меня озабоченным и чуточку виноватым взглядом. Аланна ответила первой, но Кланфинтан сжал мне руку с обеспокоенным видом:

– Госпожа, еще не рассвело.

– Спи, Рианнон. Я позабочусь о том, чтобы разослать воинов в окрестные деревни. Пусть их жители приходят в храм. – Свободной рукой он провел по моей щеке. Он в самом деле славный... на свой, лошадиный лад, конечно.

– Я ужасно устала. – Я изобразила Лану Тернер, упала на подушку и положила руку себе на лоб. Вторая рука по-прежнему находилась в руке Кланфинтана (должна признаться, это было неплохо!).

– Отдыхай, госпожа! – Аланна суетилась вокруг меня, взбивая подушки.

– Пойду оповещу воинов. – Кланфинтан выпустил мою руку и повернул ее ладонью вверх. Я широко открыла глаза; в первый миг я испугалась, что он снова меня укусит. Но он, глядя на меня в упор, поцеловал мою ладонь. Я имею в виду – поцеловал по-настоящему. Господи, какие же у него теплые губы!

Да, мне было хорошо. Повторяю, папе понравился бы этот парень. Ему всегда нравились парни, которые умели меня приручить.

Потом он выпустил мою руку и быстро направился к двери. Я слышала, как он громко приказывает будить своих кентавров. Потом дверь закрылась, и мне осталось лишь лелеять в памяти воспоминания о тепле его губ на моей ладони.

Аланна все еще взбивала мне подушки с озабоченным видом. Она походила на уютную курицу-наседку.

– Как ты себя чувствуешь, госпожа?

– Хорошо, Аланна, спасибо. По-моему, мне нужно просто немного поспать. Сегодня столько всего случилось... – Я свернулась калачиком в своей уютной постели. – И тебе тоже не мешает поспать. Ничего со мной не случится; иди отдыхай.

Она с сомнением посмотрела на меня:

– Может, принести тебе подогретого вина или причесать тебя, пока ты не заснешь?

Черт, откуда она знает, что мне понравится?

– Нет, подружка. Спасибо тебе за все! Вот выплыву, и мне станет лучше.

– Тогда оставляю тебя. – Она отбросила волосы с моего лба знакомым жестом; перед тем как закрыть глаза, я почувствовала, как она легко поцеловала меня в лоб и прошептала: – Спокойной ночи, Шеннон!

Она повернулась, собираясь уйти, и я наконец задала ей вопрос, который все время крутился у меня в голове.

– Аланна, Рианнон когда-нибудь говорила, как она собирается вернуться сюда, а меня отправить обратно в мой мир? – Глаза у меня по-прежнему были закрыты, но я услышала, как Аланна остановилась, и поняла, что она повернулась ко мне лицом.

– Она сказала, что вернуться невозможно. Осуществить Переход можно лишь однажды, а дальше придется жить в другом мире. – Ее голос был печальным. – Мне очень жаль, Шеннон. Понимаю, как тебе сейчас трудно.

– Не волнуйся. Ты ни в чем не виновата. – Интересно, слышит ли она, как сильно бьется мое сердце? Я никогда не вернусь домой? Я зажмурилась еще сильнее.

Внезапно я поняла Скарлетт О'Хара. Не буду думать об этом сегодня. Подумаю об этом завтра.

Я слышала, как шаги Аланны стихли вдали, и открыла глаза, когда негромко закрылась дверь. Потом я села и допила чай (кофеин отлично лечит душевные раны). Мне есть куда пойти и есть кого... так сказать... похоронить. Возможно, ерунда вроде «сиди в безопасном месте и веди себя хорошо» и подходит для Рианнон, но я совсем другая. И я отца бросать не собираюсь!

Глава 6

Как же мне чертовски не хватало моего «мустанга»! Мобильность – вот основа современной женской эмансипации. Кто может удержать женщину, если она может прыгнуть в машину и уехать в другой город или штат, сменить работу или мужчину?

Я пыталась сообразить, как добраться до замка, расположенного к северо-востоку от храма. Да еще среди ночи. Причем в странном мире, где на свободе разгуливают жуткие твари, похожие на вампиров. К тому же добираться придется без машины. Правда, здесь машины нет ни у кого.

Мурлыча себе под нос любимую музыкальную тему из сериала «Секс в большом городе», я старалась не довести себя до нервного срыва. Если тебя терзают сомнения, займись своим гардеробом. Пункт первый на повестке дня – переодеться. Я никак не могу путешествовать в этих кусочках просвечивающего шелка. И даже здесь по ночам, наверное, бывает холодно. Если я отправлюсь в путь одетая (точнее, раздетая), как сейчас, я непременно умру. Кроме того, раз я не могу ехать в своем «мустанге»... в голове снова как будто зажглась лампочка... лучше всего раздобыть, так сказать, мустанга настоящего. Аланна уверяла, что мой сон был явью. Значит, та красивая серебристая кобыла, скорее всего, принадлежит мне. Ей наверняка понравится ночная прогулка. Но мой костюм совершенно не подходит для верховой езды (ой-ой-ой!).

Оглядев свою просторную комнату, я отметила наличие нескольких резных шкафов, похожих на громадные сундуки. Заглянув в них, я нашла не просто одежду, но море одежды. Я не шучу. Мне показалось, будто я – Барби. И не просто Барби, но Барби – королева школьного бала, Барби летом, Барби на вечеринке, Барби, которая идет на свидание с врачом, юристом, директором корпорации... и так далее. У Рианнон одежды и правда хватало, в чем я ее никоим образом не виню.

Стараясь не отвлекаться и не думать о постороннем (хотя я поняла, что нас с ней объединяет не только любовь к отцу), я жадно перебирала ярды материи. Наконец я случайно наткнулась на шкаф, где, должно быть, хранилась спортивная одежда Рианнон. Шкаф оказался доверху набит гетрами и брюками из мягкой кожи. Все брюки оказались одного фасона, все одного и того же масляно-желтого цвета, но каждая пара – с собственным затейливым узором. Я узнала вплетенные в швы кельтские узлы и... о, только не это... черепа. Штанины у всех брюк были узкие; кроме того, слева у пояса брюки затягивались шнурком (наверное, в этом мире понятия не имеют о застежках-«молниях»). Я неодобрительно оглядела брюки, надеясь, что за последнее время меня не разнесло. Выбрав те, на которых черепов оказалось поменьше, я принялась натягивать их и не могла не восхититься гладкостью и превосходной выделкой. Кожа ласкала, как младенческая щечка. Брюки не просто пришлись мне впору, они ласково льнули к моим бедрам и заду. Да... Рианнон явно была избалованной девочкой.

Ее ждет большой сюрприз, когда она узреет мой скудный гардероб и узнает, сколько стоит одежда в моем мире. Я кое-как выпуталась из своего шелкового одеяния и взяла нечто вроде кожаной рубахи, точнее, поддерживающего бюстгалтера. По цвету и стилю верх вполне подходил к бриджам. Завязывался верх шнурками, но сзади. Мне пришлось изрядно попотеть (тогда-то я поняла, для чего при одевании здесь требуется помощь Аланны). Но будить ее и отвечать на миллион вопросов не хотелось, поэтому пришлось кое-как справляться самой (не переставая мурлыкать тему из «Секса в большом городе»). Наконец мне удалось как следует затянуть шнурки. Более того, мне стало очень приятно, когда я поняла, что костюм не только выгодно подчеркивает все мои достоинства, но еще и явно создан для верховой езды. Одежда не сковывала мои движения, но вместе с тем так поддерживала, что позавидовали бы и моделиеры спортивного нижнего белья в моем мире! Шутки в сторону – мне тридцать пять лет,

грудь у меня третьего размера, а земное притяжение – страшная сила. Понимаете, о чем я? Так что я с радостью поняла, что надела кельтский эквивалент спортивного поддерживающего бюстгалтера, в котором хоть по деревьям лазить, хоть драконам головы рубить (я от всей души надеялась, что до последнего дело не дойдет). Порывшись на нижней полке, я нашла несколько пар по-настоящему классных сапожек – из той же мягкой, эластичной кожи цвета сливочного масла. Подошвы у них были толстые, и они чем-то напоминали мокасины. Взяв одну пару, я заметила, что на подошве что-то выбито, и обрадовалась, увидев там пятиконечные звезды. Значит, всюду, куда бы я ни пошла, я буду оставлять следы со звездами. Барби до меня далеко!

Итак, с одеждой покончено, но...

Вернувшись к своему сну или видению, я живо представила себе храм сверху. Если я еще не совсем спятила, ворота выходят на запад. Горная гряда на севере; она тянется с запада на восток. На западе горы встречаются с морем. Чуть дальше на скале стоит папин замок. Я отчетливо помнила, что видела широкую реку, которая огибала храм, а потом текла напрямик на северо-запад, где и впадала в море (а может, и вытекала из него – я в географии не разбираюсь). Значит, мне нужно ехать от самого храма вдоль реки, и в конце концов я попаду к морю, а оттуда надо будет повернуть направо, и я доберусь до замка.

По крайней мере, так я все представляла теоретически.

Я знала, что конюшня пристроена к северной части храма. Там-то я и найду кобылу.

Но как, черт меня побери, мне выйти к конюшне изнутри? Я совсем не знаю здешней топографии... Вряд ли мне удастся незамеченной бродить по храму до тех пор, пока я сама не наткнусь на лошадок. Во сне я пролетела сквозь потолок. Но сейчас я понятия не имею, в какой части огромного сооружения нахожусь.

Замечательно!

Неожиданно в голову мне пришла счастливая мысль. Я вспомнила красавчиков, подпирających, похоже, все здешние двери. Всю жизнь я руководствовалась девизом: если что-то не получается, запудри мозги какому-нибудь парню, и тогда он охотно сделает все за тебя.

Я провела рукой по волосам; они, в виде исключения, оказались в порядке (спасибо умелице Аланне). Потом я допила чай и проследовала к той двери, что выходила на другую сторону – подальше от спален Аланны и Кланфинтана. Я быстро открыла двери и устроила «мальчикам» сюрприз.

О боже, они и в самом деле оказались настоящими красавчиками!

Плоские животы. Голые торсы. Крепкие ноги. Едва одеты, и у них (раз уж меня вынуждают притворяться шлюхой Рианнон, я имею право смотреть куда хочу) довольно большое хозяйство – учтите, я сейчас имею в виду не переносные рации.

«Мальчишки» изобразили восхищенное приветствие, хлопнув себя кулаками по мускулистым торсам. Я напустила на себя самый надменный вид, на какой была способна (одновременно стараясь не истечь слюной от вожделения), и посмотрела в глаза тому, что повыше.

– Я хочу прокатиться на своей лошади.

Он моргнул.

– Сейчас же!

Он снова заморгал. И почему мне всегда кажется, что высокие парни умнее коротышек? (Надо запомнить: высокие парни не умнее, они просто привлекательнее.)

– В общем, передайте на конюшню... пусть оседлают ее для меня! – Я неплохо все изложила, но так и не поняла, дошло до него или нет. Я от всей души надеялась, что у Рианнон имеется хотя бы отдаленное подобие седла. Набрав в грудь побольше воздуха, я постаралась говорить как можно более уверенным и капризным тоном – почему-то, сама не знаю почему, мне это было труднее, чем всегда.

– Госпожа, разбудить вашу свиту? – в полном замешательстве спросил мистер Мускул.

– Нет! – пронзительно взвизгнула я, но тут же понизила голос: – Хочу покататься одна. Никого не будить, кроме конюхов! Пусть оседлают лошадь.

– Как скажешь, госпожа.

Он повернулся и направился к выходу, который, должно быть, вел в конюшню; я шла за ним по пятам. Он удивленно обернулся, заметив, что я наступаю ему на пятки. Но я решила, что он, должно быть, привык к выходкам стервы Рианнон, и мое теперешнее поведение – еще цветочки. В конце концов, Рианнон трахала все, что движется... и бог знает что еще вытворяла.

Красавчик охранник шел впереди меня по коридору; мы удалялись от зала, в котором проходило мое руковождение и свадебный пир. Пройдя совсем немного, мы очутились у еще одних двойных резных дверей. Мистер Мускул заговорил со стражей, стоящей у этих дверей, и они поспешно распахнули их, а затем бросились будить конюхов. Я вошла в конюшню, и мое оклахомское сердечко учащенно забилось.

Такая конюшня годилась для королевы. Стены из того же молочного цвета мрамора, что и стены храма. Передо мной открылось огромное помещение со стойлами по обе стороны – я насчитала их не меньше двадцати. Я шла по проходу и останавливалась у каждого стойла, ласково заговаривая с красивыми лошадьми. Судя по их виду, родословная у здешних лошадей была поистине королевской. Все до одной кобылы, и все разные – одни похожи на арабских, другие – на чистокровных скаковых... Мне было приятно оттого, что лошади как будто узнавали меня. Все они поднимали красивые морды и фыркали в мою сторону, радуясь моему шепоту и ласковым словам:

– Привет, красавица!

– Здравствуй, моя милая!

– Посмотрите, какая хорошенькая!

Кобылы всхрапывали, привлекая к себе внимание. Я выросла среди лошадей, и мне нетрудно было найти с ними общий язык. Лошади тянули ко мне головы; все как одна ждали, когда я их приласкаю. Пусть Рианнон какая угодно стерва, но лошадей своих она точно любила! И они, вне всякого сомнения, отвечали ей взаимностью. Надо дописать еще один пункт в тест «Что общего между Шеннон и Рианнон». Правда, список совпадений наверняка получится не слишком длинным.

Стойла закончились, и я увидела дверь, ведущую в загон. Именно сюда во сне прилетало мое астральное тело. В просторном загоне, как ни странно, напомнившим мне спальню Рианнон, три хорошенькие, но сонные и довольно помятые нимфы снаряжали для ночной прогулки серебристую кобылу. Услышав мои шаги, нимфы повернулись и присели, а затем продолжили готовить лошадь.

При виде такой красавицы я невольно замерла и не сдержала вздоха восхищения. Она и в самом деле была замечательной, даже еще красивее, чем показалась мне во сне. Серебристая кобыла услышала мои шаги и, к моей радости, выгнула свою изящную шею, чтобы разглядеть меня. Потом радостно ткнулась в меня носом, и я тихо рассмеялась.

– И тебе привет, красотка! – Я быстро выхватила скребницу у одной из нимф и принялась чистить кобылу, наслаждаясь прикосновением к ее гладкой коже.

Люблю чистить лошадей. И всегда любила. Многие лошадики считают чистку или уборку конюшни скучным занятием, не понимая, до чего приятно ухаживать за своими питомцами. Я не такая. С раннего детства я обожала запах конюшни, любила сама чистить свою лошадь и убирать навоз. Это труд, но он приносит радость. Все равно как загорать на солнце – или полоть розы. Такая работа очищает душу и разум. Лекарство от всех болезней!

Серебристая кобыла ткнулась в меня носом и ласково прихватила губами мое плечо, когда я вычесывала ее и без того идеально ухоженную гриву.

– Вы очень красивы, мадам, – заворковала я. Мне показалось, что я снова стала девочкой; я наслаждалась ее запахом и ее теплым дыханием.

Когда принесли изящное оголовье, красавица послушно повернула голову вперед (я сразу поняла, что удила этой кобыле не нужны). Я отошла в сторону и стала наблюдать, как два конюха кладут ей на спину потник, похожий на модные в семидесятых годах чехлы для машин. Потом принесли седло со стременами и подпругой.

Конюх подтянул подпруги и отошел. Все выстроились в ряд и выжидательно смотрели на меня.

Я оглядела стремяна. И высокую кобылу. И вспомнила о том, что мне уже тридцать пять...

Отлично! Теперь придется изображать из себя чемпионку.

Погодите... нет, все гораздо проще. Придется изобразить не чемпионку, а редкостную стерву. А ведь кто-то наверняка съязвит, что мне и притворяться не надо.

– А ну-ка, подсадите! – Черт, ну и противный же у меня голос! Улыбочку...

Без колебаний я зашагала вперед, наслаждаясь тем, что как будто попала в фильм с Джоном Уэйном, ухватила за серебристую гриву и задрала ногу, надеясь, что какая-нибудь нимфа поможет мне всунуть ее в стремя. Слава богу, одна так и поступила. Я довольно мешковато уселась в седло, всунула в стремя и правую ногу и расправила плечи. Еще бы знать, где здесь выход...

– Откройте ворота! – Похоже, я все лучше и лучше вживалась в роль стервы.

Одна из нимф поспешно распахнула ворота загона, а вторая с трудом открыла раздвижные ворота во внутренней стене храма. Я дважды цокнула языком, надеясь, что такая команда сгодится и для другого мира:

– Но-о! – и чудесная кобыла пошла вперед. Перед тем как проехать в последние открытые ворота, я придержала ее и, обернувшись через плечо, обратилась к слугам: – Спасибо! Можете вернуться в постели. Завтра рано не вставайте, я сама обо всем позабочусь, когда вернусь.

Чуть наклонившись вперед, я дала шенкеля, и кобыла сразу перешла на легкий галоп.

Отъехав от храма, мы поскакали по дороге. В небе по-прежнему высоко стояла почти полная луна; она обеспечивала обалденную видимость. Я придержала кобылу, собираясь оглядеться и понять, где я, черт меня побери, нахожусь. Тогда я, хотя бы теоретически, пойму, куда мне, черт меня побери, надо направляться. Я сразу заметила, что храм выстроили на стратегически выгодной позиции. Он стоял на вершине довольно высокого холма, а окружали его одни луга – хоть и пышные, но без единого деревца. Сам храм в плане напоминал огромный круг. Я снова залюбовалась величественными сооружениями, мраморными колоннами и площадью с фонтаном (из рукотворного океана вздымалась гигантская лошадь и извергала из разных отверстий струи горячей минеральной воды; в общем, очень похоже на фонтан Треви в Риме).

Я заставляла себя смотреть на замок с точки зрения полковника. Теперь я поняла, почему Кланфинтан сказал, что его удобно оборонять. Храмовые сооружения были обнесены высокой и толстой стеной, казавшейся неприступной. Поверху я заметила балюстраду, зубчатые башенки и бойницы, у которых очень удобно расставить лучников – или загорать, в зависимости от того, ведем мы войну или наслаждаемся миром. Стена была не просто прочной; я с изумлением поняла, что она высечена из громадной монолитной мраморной жилы кремового цвета. При луне стена мерцала неземным светом. Пожалуй, если убрать внешнюю стену, сам храм напоминал римский Пантеон, только без дыры в крыше.

Лунные блики на воде привлекли мое внимание к реке, которая огибала храм и текла за ним – не вплотную, но все же достаточно близко, чтобы к берегу приставали баржи. Очень выгодное положение! Если бы не жуткие твари, которые питаются человечинной, в этом мире было бы очень приятно жить. Кстати... вместо того, чтобы сидеть на одном месте и пялиться на все подряд, как японская туристка в Ватикане, пора уже скакать вдоль берега реки к морю! Некогда любоваться красотами; у меня есть дела поважнее. Кроме того, черт меня побери, у меня нет с собой фотокамеры. И потом, даже если бы камера и была, где я проявлю пленку?!

Я направила кобылу к реке, радуясь, что ночь такая ясная и тихая. Я знала: сейчас в замке Кланфинтан будит кентавров и приказывает им вести окрестных жителей под защиту мощных стен. Поэтому я подалась вперед и снова послала кобылу в легкий галоп. Если меня застукнут, меня ждет унижительное прилюдное разбирательство. Придется отвечать на неприятные вопросы и объяснять, чем я, собственно, занимаюсь. И потом, кто гарантирует, что в конце концов мне позволят сделать то, что я задумала? С одной стороны, Рианнон – самовластная хозяйка здешних мест, но... что будет, если ее (то есть мои) действия не будут одобрены ее народом?

Вскоре я галопом прискакала к берегу реки и развернула кобылу к западу. Река произвела на меня сильное впечатление. Не ждите, что я сообщу, какая у нее глубина – не мерила, – но она оказалась широкой, а течение явно было быстрым. От реки приятно пахло – не рыбой и илом, как от Миссисипи, а, пожалуй, камнем и чистой водой, как от Колорадо. По берегам росли деревья; я вздохнула с облегчением, когда моя кобыла уверенно направилась к узкой тропинке, идущей параллельно берегу. По тропе все же удобнее бежать, чем по лугу, хоть трава и не слишком высокая... А по торной дороге, которую я заметила еще из храма, мне путешествовать не хотелось. Да, она, скорее всего, ведет к замку Маккаллан, но там, наверное, слишкомлюдно. Это, конечно, не четырехрядное скоростное шоссе, но я не сомневалась в том, что с рассветом ее заполнят кентавры и люди – и вот вам, пожалуйста. Неужели они не заметят, как Любимица Эпоны трюхает им навстречу на своей великолепной серебристой кобыле?

Кстати, о моей красавице. Я чуть придержала ее. Похоже, она находилась в великолепной форме, но впереди у нас два дня трудного пути; ни одна лошадь не выдержит двух дней галопа. Похлопав ее по шелковистой шее, я села поудобнее и пустила ее рысцой.

– Красотка, интересно, как Рианнон тебя называет?

При звуках моего голоса она запрядала изящными ушами.

– Я не могу и дальше называть тебя «кобылой», это невежливо. Все равно что меня будут именовать «женщиной» или, учитывая то, как я себя недавно вела, «сукой».

Она тряхнула головой – очевидно, соглашалась со мной. В этом мире трудно сказать, возможно, она и понимала меня!

– Ясное дело, все зовут тебя Эпой, но мне это имя кажется слишком официальным и сухим. – Я взъерошила ей гриву. – Можно я буду называть тебя Эпи? Пусть это и не так почетно, но в моем мире слово «почет» обычно ассоциируется с политиками. – Я сомневалась в том, что Эпи интересно будет слушать скучную лекцию об упадке политической жизни в современной Америке, но впереди у нас два длинных дня, и я решила, что обо всем расскажу ей позже – если у меня закончатся другие темы для разговоров. Она бойко фыркнула и загарцевала на месте, что послужило для меня достаточно красноречивым ответом. – Значит, Эпи; так тому и быть!

Я погладила ее мягкую гриву и уселась поудобнее, приготовившись к долгой верховой поездке. С самого начала было ясно: Эпи не принадлежит к числу лошадей, которыми необходимо постоянно управлять. Она была умница и сама шла рысью по тропинке; мне не надо было ни направлять ее, ни уговаривать. Поэтому я устроилась поудобнее и стала любоваться пейзажами. Местность здесь в самом деле была живописная. Между деревьями мелькали дома, окруженные ухоженными участками земли. Мне ужасно понравились соломенные крыши, но потом я представила, сколько в этой соломе обитает всевозможной живности, и порадовалась, что над моей головой крыша не такая.

Между домами тянулись виноградники и поля, на которых что-то росло – вроде бы пшеница и фасоль. Правда, при луне рассмотреть урожай как следует не удалось. Время от времени я замечала каких-то сонных животных, преимущественно коров и овец, но попадались и лошади. Меня удивило и порадовало, что Эпи не ржала, как обычная кобыла. Время от вре-

мени я мельком видела дорогу в лучах лунного света. Видимо, она в самом деле вела на северо-запад, но от реки была довольно далеко, а от нашей тропы ее отделяли деревья.

В общем, ночь была славная. Наверное, каких-нибудь изнеженных особ испугает сама мысль о том, чтобы оказаться в одиночестве неизвестно где, но я в жизни не боялась ни темноты, ни одиночества. Правда, конечная цель моего путешествия особой радости не вызывала, и я даже не знала, что буду делать, когда (и если!) доберусь до замка, но снова вспомнила Скарлетт О'Хара, забыла о насущных делах (что оказалось совсем нетрудно) и принялась радоваться приятной, ничем не омраченной ночной верховой прогулке.

Небо на горизонте все светлело. Правда, и деревьев становилось все больше; между ними тропа была видна уже не так явно. Эпи это как будто не беспокоило, и я предоставила ей самой отыскивать дорогу. Мы направлялись к каменистому берегу реки. Лошадиное чутье нам очень пригодилось. Дело в том, что до меня наконец дошло: какой бы властной стервой я ни притворилась, я выехала в путь, совершенно не подумав о таких прозаических вещах, как завтрак, обед, ужин, вода и туалетная бумага. Кто знает, который теперь час? К тому времени, когда солнце показалось из-за деревьев, мой зад и желудок в один голос заявили мне, что мы скачем уже «некоторое время». В переводе с оклахомского «некоторое время» может означать и пять часов, и пять дней. Разум подсказывал, что я в пути уже часов пять. Посмотрим правде в глаза: зад и желудок у меня гораздо больше мозга. Поэтому они победили.

Что ж, хотя бы от жажды я не умру. Можно спешиться, подвести Эпи к переливающейся на солнце реке и (совсем как Джон Уэйн) напиться прохладной, освежающей воды. Может быть, я даже немного пройду пешком, а Эпи дам отдохнуть.

Легко сказать!

Вы когда-нибудь путешествовали верхом «некоторое время»? Я не имею в виду тренировку в тесном загоне или манеже, пока инструктор верховой езды похваливает и отдает команды. Я не имею в виду и те прогулки, за которые туристы платят по пятьдесят баксов в час. За свои деньги они получают сомнительное удовольствие прокатиться по какой-нибудь живописной тропе на кляче, которая уже некоторое время пребывает в состоянии клинической смерти. Прогулка по такой тропе продолжается тридцать пять с половиной минут, не больше.

Я говорю о поездке верхом на лошади, настоящей живой лошади в течение нескольких часов. Причем лошадь идет то рысью, то галопом, то снова рысью. А вашему заду уже тридцать пять лет. И вы не завтракали...

В общем, все оказалось не так легко, как в кино, хотя я не сомневаюсь, что Джон Уэйн в самом деле много ездил верхом. Наверное, у него зад был из железа – мир праху его!

Кое-как сползая с Эпи, я не чуяла ни ступней, ни лодыжек. Задница вроде была на месте, но как будто увеличилась в размерах и стала плоской, как блин. Просто чудесно! Итак, я растирала затекшие ноги, пытаюсь восстановить кровообращение, и радовалась, что Эпи – единственная, кто видит мои жалкие ягодичные мышцы.

Наконец (прошло почти «некоторое время») я поняла, что могу кое-как доковылять (вот именно – доковылять!) до воды. Прихрамывая и отчаянно ругаясь в лучших традициях Дикого Запада, я спустилась к речке, ведя Эпи в поводу (стреноживать ее, разумеется, не было никакого смысла).

– Хорошо хоть она не грязная, – проворчала я, похлопав Эпи по крупу, приглашая напиться первой. Потом не спеша разогнулась, наслаждаясь музыкальным хрустом позвонков.

Эпи дотянулась губами до воды и несколько раз шумно глотнула, а потом оглянулась на меня, словно говоря: «А ничего водичка!»

Я кое-как проковыляла несколько шагов вверх по течению и присела на корточки (под хруст коленных суставов), чтобы вымыть руки.

– Ничего себе! Ну и холодная же! – Я ожидала, что вода в реке будет приятной комнатной температуры, ведь в этом мире было так тепло. Но речка оказалась ледяной – судя по всему,

ее исток где-нибудь в дальних горах. Да-да, у меня диплом о высшем образовании; меня не проведешь! Я зачерпнула в ладони чистой, холодной воды и попила.

Вода из реки показалась мне похожей на воду из бабушкиного колодца. Ничто так хорошо не утоляет жажду, как ледяная колодезная вода! В детстве я думала, что бабушкин колодец и есть Фонтан молодости⁶. Помню, я как бешеная качала насос, а потом неслась к крану и, захлебываясь, пила чистую воду. Судя по тому, как скрипят мои коленные суставы, с Фонтаном молодости я не угадала, но вода и правда отлично утоляла жажду и освежала, как весенний дождь. Кстати, и есть что-то расхотелось...

– Что ж, старушка... Пожалуй, я прогуляюсь пешком, а тебе дам отдохнуть. Ты не против? – Я взъерошила Эпи челку и погладила широкий лоб, а она ткнулась мордой мне в грудь, а мягкими, влажными губами поцеловала меня в подбородок. Лошади – потрясающие животные! Только оставшись наедине с Эпи, я поняла, как мне недоставало собственной лошади. Как я, оказывается, скучала по лошадиному запаху, по их своеобразной красоте, уму и доброте! Эти качества свойственны только лошадям; их не заменит ни собака, ни даже кошка, которая считает, будто она гуляет сама по себе и никакой хозяйки у нее нет (хотя кошки круче собак – они надменные стервы животного мира, что я не могу не ценить по достоинству). Но я всю жизнь обожала именно лошадей. Они – по-настоящему благородные животные. Помните, как в «Настоящем мужестве» шестьдесят девятого года Черныш, конь Джона Уэйна (Рустера Когберна), позволяет ему загнать себя до смерти, чтобы спасти сестричку? Сплошные рыдания. Какое еще животное (всхлип) на такое способно? (Погодите, сейчас высморкаюсь и вытру глаза.)

Ничего удивительного, что и Кланфинтан показался мне таким обаяшкой – оказывается, мне недостает не только мужчины, но и домашнего питомца... Выйдя за него, я одним выстрелом убила двух зайцев.

Представляю, как он будет писать кипятком, когда я вернусь в храм.

А ведь он считает меня настоящей стервой!

Снова похлопав Эпи по шее, я нехотя отошла от воды, положила поводья на плечо и зашагала назад – искать нашу узкую, исчезающую в траве тропу. Эпи шла за мной, как воспитанная девочка, какой она, собственно, и была, время от времени пощипывая травку и сосредоточенно жуя. Я начала насвистывать песенку семи гномов из мультика «Белоснежка и семь гномов». Эпи шумно выдохнула через нос; я сочла это нелестным замечанием по поводу моего умения свистеть и, обернувшись, рассмеялась, не переставая свистеть. Да, нам с ней было очень хорошо вдвоем!

Деревьев вокруг стало еще больше; я все реже замечала домики за густой листвой. Я старалась вспомнить план местности по своему сну, но мое астральное тело передвигалось так быстро, что я не заметила тогда почти никаких вех, кроме ленты реки, пышных лугов вокруг нее и того, что река протекала северо-восточнее моего храма. Я чувствовала себя как заблудившаяся в Шервудском лесу девица Мэрион. Вот только я была совершенно уверена, что Робин Гуд не придет меня спасти (и, откровенно говоря, я не девица).

⁶ *Фонтан молодости* – источник омоложения, который, по легенде, находится на одном из островов у побережья Флориды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.